К. Трунин

Лауреаты российских литературных премий

Константин Трунин

Лауреаты российских литературных премий

«Издательские решения»

Трунин К.

Лауреаты российских литературных премий / К. Трунин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939805-5

В современной России дело с литературными премиями обстоит не очень хорошо. Вернее, они существуют, но не несут требуемого от них определяющего значения. Каждая из них — своё собственное направление, выбирающее литературу по заранее заданным условиям. Поэтому, дабы помочь читателю ориентироваться в мире российских литературных премий, выпущено данное издание. Первоначально взяты для рассмотрения лауреаты следующих премий: Русский Букер, Национальный бестселлер, Ясная поляна, Большая книга и НОС.

ISBN 978-5-44-939805-5

© Трунин К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 7
Русский Букер 9
О премии 9
1993 Марк Харитонов «Линия судьбы, или Сундучок Милашевича» (1992) 11
1994 Владимир Маканин «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993) 13
1994 Булат Окуджава «Упразднённый театр» (1993) 14
1995 Георгий Владимов «Генерал и его армия» (1994) 15
1996 Андрей Сергеев «Альбом для марок» (1995) 17
1997 Анатолий Азольский «Клетка» (1996) 18
1998 Александр Морозов «Чужие письма» (1968) 19
1999 Михаил Бутов «Свобода» (1999) 20
2000 Михаил Шишкин «Взятие Измаила» (1999) 21
2001 Людмила Улицкая «Казус Кукоцкого» (2001) 23
2002 Олег Павлов «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» (2001) 24
2003 Рубен Гальего «Белое на чёрном» (2002) 25
2004 Василий Аксёнов «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004) 26
2005 Денис Гуцко «Без пути-следа» (2004) 27
2006 Ольга Славникова «2017» (2006) 29
2007 Александр Иличевский «Матисс» (2006) 30
2008 Михаил Елизаров «Библиотекарь» (2007) 31
2009 Елена Чижова «Время женщин» (2009) 33
2010 Елена Колядина «Цветочный крест» (2010) 34
2011 Александр Чудаков «Ложится мгла на старые ступени» (2000) 36
2012 Андрей Дмитриев «Крестьянин и тинейджер» (2012) 37
2013 Андрей Волос «Возвращение в Панджруд» (2013) 38
2014 Владимир Шаров «Возвращение в Египет» (2013) 39
2015 Александр Снегирёв «Вера» (2015) 40
2016 Пётр Алешковский «Крепость» (2015) 41
2017 Александра Николаенко «Убить Бобрыкина» (2015) 43
2018 премия не вручалась 45
Национальный бестселлер 46
О премии 46
2001 Леонид Юзефович «Князь ветра» (2000) 48
2002 Александр Проханов «Господин Гексоген» (2002) 50
2003 Александр Гаррос, Алексей Евдокимов «Головоломка» (2001) 52
2004 Виктор Пелевин «ДПП (НН)» (2003) 54
2005 Михаил Шишкин «Венерин волос» (2004) 55
2006 Дмитрий Быков «Борис Пастернак» (2004) 56
2007 Илья Бояшов «Путь Мури» (2007) 58
2008 Захар Прилепин «Грех» (2007) 59
2009 Андрей Геласимов «Степные боги» (2008) 60

2010 Эдуард Кочергин «Крещённые крестами» (2009) 62
2011 Дмитрий Быков «Остромов, или Ученик чародея» (2010) 63
2012 Александр Терехов «Немцы» (2012) 65
2013 Фигль-Мигль «Волки и медведи» (2012) 66
2014 Ксения Букша «Завод Свобода» (2012) 68
2015 Сергей Носов «Фигурные скобки» (2015) 69
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Лауреаты российских литературных премий

Константин Трунин

© Константин Трунин, 2018

ISBN 978-5-4493-9805-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Что есть современная литература? Каким мерилом она измеряется? Уж точно не с помощью литературных премий. Однако, обладание определённым званием всегда придавало весь в глазах большинства. Оттого на обложки книг то и дело выносится гордое звание номинанта или лауреата. Так порою легче продать, особенно труд писателя, некогда сумевшего добиться признания в узких кругах. В современной России дело с литературными премиями обстоит не очень хорошо. Вернее, они существуют, но не несут требуемого от них определяющего значения. Каждая из них – своё собственное направление, выбирающее литературу по заранее заданным условиям. Поэтому, дабы помочь читателю ориентироваться в мире российских литературных премий, выпущено данное издание.

Всего охватить невозможно. Первоначально взяты для рассмотрения лауреаты следующих премий: Русский Букер, Национальный бестселлер, Ясная поляна, Большая книга и НОС. Учитывая необходимость ежегодного обновления издания, в последующем планируется пополнение новоиспечёнными лауреатами в том числе и с добавлением иных премий, первоначально оставшихся без внимания. Разумеется, тут интерес в первую очередь должен исходить от организаторов, либо непосредственно от читателя.

Премии решено расставить не по их весу в глазах читающей публики и не по алфавитному порядку, за основу взят год первого вручения. Сама структура каждой премии подразумевает её общую характеристику с последующим перечислением непосредственно лауреатов, где указывается год вручения и (год написания или издания) премированного писателя или лауреата. Если премия вручалась не за произведение, а за некие заслуги, то они просто указываются, без какого-либо дополнительного комментария, поскольку негоже прилагать старание к объяснению там, где никто не сообщил конкретики по сделанному из личных побуждений выбору. Часть публикаций повторяется – это сделано для удобства.

Дополнительного раскрытия содержание не требует. Читатель и без лишних объяснений поймёт, по какому принципу наполнялся данный труд. Вместе с тем хочется поделиться огорчением, выраженным через невозможность стать причастным к чтению некоторых отмеченных премиями произведений, что связано с необязательностью самих организаторов. Лауреаты продолжают оставаться важной составляющей частью премии на протяжении года, тогда как впоследствии они чаще всего забываются, причём вместе с премированными произведениями. Разве премии существуют ради сегодняшнего момента? Наоборот, принимающий лавры писатель должен стремиться сделать своё произведение более близким к читателю, если не сразу, то спустя время. К сожалению, спустя время обычно наступает полное забвение.

Выраженное тут мнение остаётся частным мнением составителя. Необходимо помнить, литература всегда воспринимается человеком с высоты жизненного опыта и, следовательно, сформировавшихся предпочтений. Говоря кратко: если не нравится одному, это может нравиться другому. А значит и не требуется создавать самому себе воинственное настроение. Наоборот, точку зрения оппонента следует принять в качестве допустимой, но никак не воспринимаемой за обязанную быть оспоренной. Лучшим способом станет вступить в диалог с другими читателями, писателями или составителем сего издания, используя корректные выражения. Ведь литература – это борьба внутри человеческого социума за право на самовыражение. Значит, достаточно оказаться услышанным, чтобы другие поняли, каков ваш собственный жизненный опыт, если он подразумевает высказываемое лично вами мнение.

Если вы решились на знакомство с лауреатами современных российских литературных премий, тогда не обходите вниманием и сайт http://trounin.ru – постарайтесь увидеть литературу в большем смысле, нежели того желаете. Наши современники заслуживают внимание, а ещё больше они хотят слышать мнение читателей, каким бы оно не являлось. Но и про масте-

ров пера прошлого забывать нельзя, о чём будет сообщено в других изданиях, обязанных когда-нибудь увидеть свет.

Русский Букер

О премии

Премия «Русский Букер» создавалась для возрождения художественной литературы на всём пространстве говорящих на русском языке людей. Ставилась задача позволить быть коммерчески успешными произведениям, поддерживающим «традиционную для русской литературы гуманистическую систему ценностей». Задуманное оказалось нереализованным. За всё время существования премия себя не оправдала, каждый год выбирая победителем писателя, создавшего труд, далёкий от понимания русским человеком окружающей его действительности. Шла прямая пропаганда не русских, а западных ценностей. Либо наоборот, перед Западом показывалась литература, которой не суждено создать и близкого подобия произведений, создававшихся в России на протяжении XIX века. И не приходится удивляться, почему год от года «Русский Букер» терял авторитет среди нарождающихся премий. Будучи вручён двадцать шесть раз, он столкнулся с отторжением спонсоров, вследствие чего появилась необходимость пересмотреть смысл существования, изыскав требуемое читателем преображение к истинно русской гуманистической системе ценностей.

С первых лет вручения «Русский Букер» поддержал стремление писателей к модернистическим изысканиям. Это произошло согласно склонности деятелей от литературы находить нечто новое, далёкое от социалистического реализма. Их не устраивала необходимость воспевать подвиги народа, идеализировать должное оказаться вскоре утраченным. Допускались истории о выдуманных обстоятельствах, поток сознания, произведения по мотивам громких событий. Но уже в девяностые среди лауреатов премии всё чаще возникала необходимость писать об общем упадке культуры. Писатели громко провозглашали факт разложения устремлений общества. Вместо пути к светлому будущему, они собственное настоящее пытались применить в отношении прошлого, прибегая к использованию лишь мрачных оттенков.

Возникла необходимость выпячивать присущее западным писателям чувство эгоизма, выпестованное философией солипсизма, когда ничего не имеет значения, кроме осознающей действительность личности. Какие бы процессы не происходили в мире, они оказывались не подлежащими воспроизведению на страницах произведений. Бралась выдуманная обстановка, неизменно присутствующая в телевизионных и газетных сюжетах, основанная на провокационном осознании случающихся событий, из-за чего новость-муха раздувалась до слона-сенсации, невзирая на везде и всегда встречающиеся случайности. Само по себе сформировалось новое направление в мышлении писателей, считавших необходимым о том писать, как о неоспоримом факте нашей жизни.

Не случайно придуман термин сексуального реализма, оный заменил собой реализм социалистический. Можно смотреть шире, видя в качестве лауреатов сторонников сугубо мрачности. Не повседневность они описывают. Отнюдь, лауреаты «Русского Букера» погружены в некий фантастический мир, изыскивая в нём сюжеты для произведений. Насколько он мрачен, о том можно судить, стоит ознакомиться с некоторыми случайно выбранными произведениями. Обязательно там встретится правдоискатель, вынужденный мириться с непотребством нависшей над ним действительности. Только этот правдоискатель чаще представлен раздутым комплексом, причём присущим не ему, а писателю, чей подход к изложению позволил его совести подобное сочинить.

Всему нужно время. И премиям оно требуется в той же мере. Не сразу удаётся установить, какой стороны следует придерживаться. Но «Русский Букер» успел обрести определённую нишу, согласно которой и находил лауреатов. Поэтому, когда читатель берётся за книгу,

видит на её обложке будто бы гордую надпись «Русский Букер», он скорее откажется, сделав выбор в пользу другого произведения. Почему? Знакомиться с историями, лишёнными правдивого восприятия действительности, может каждый, но всегда ожидая нечто радужное. Не могут герои художественных произведений постоянно жить среди неадекватности. Это грозит депрессией, от которой всегда хочется найти спасение.

«Русский Букер» не должен восприниматься ведущей литературной премией России, что-то определяющим или должным внести важную составляющую в бытие россиян. Не для того он создан. Ему полагается показывать мрачность обыденности, специально выдуманную как раз под нужды западного читателя. Вот он поймёт подобную литературу. Ему ведь интересно, как гниёт Россия. Благо лауреаты «Русского Букера» такие ожидания оправдывают.

1993 Марк Харитонов «Линия судьбы, или Сундучок Милашевича» (1992)

Список лауреатов литературной премии «Русский Букер» открывает роман Марка Харитонова «Линия Судьбы, или Сундучок Милашевича», написанный в начале восьмидесятых годов, опубликованный в 1992 году. В романе рассказывается о писателе Семёне Кондратьевиче Богданове, чья доля вела его через реалии советского государства с первых дней основания, и в итоге ни к чему не привела. Не приведёт жизнеописание к полезным мыслям и читателя. Харитонов смешал вымысел с ещё большим вымыслом, разбавив повествование порцией хронологических причуд.

О Семёне Богданове известно мало. В действительности, разумеется, такого писателя не существовало. Не существовало и писателя с псевдонимом Симеон Милашевич. Как не существовало исследователя его творчества. Но на страницах произведения одним из действующих лиц найдены свидетельства, сообщающие обратное. Почему бы читателю не попытаться вместе с Марком Харитоновым восстановить фрагменты утраченной биографии и заодно прикоснуться к никогда не написанным художественным произведениям? Желание похвальное, вполне может быть нужное, но скоротечное.

Для начала требуется обвинить писателя Милашевича в плагиате, чтобы усомниться в истинной ценности его произведений. Возникает мысль, будто он брал материал из изданий с низким тиражом, переписывал истории и слегка изменял само повествование. После обвинение потребуется снять, дабы читатель проникся уважением к нему, человеку с трудной жизнью. Жил он в тишине, спокойно работал и старался оставаться незамеченным. Потому и так трудно восстановить его биографию.

Все дальнейшие события в повествовании перемешаны. Они восстанавливаются перед читателем скорее сумбурно, нежели способствуя правильному пониманию происходящего на страницах. Личность Милашевича будет всё чаще отходить на второй план, уступая место исследователю его творчества Антону Лизавину. В разговорах о разном, вплоть до обсуждения присадок для водки, перед читателем пройдёт ряд событий, неизбежно обязанных получать подпитку в виде тех или иных обстоятельств жизни непосредственно Милашевича.

Понять особенности творчества исследуемого писателя сможет не каждый. Трудно разобраться в том, почему, сказывая житие Макария, мораль сведётся к превращению человека в куст. Реальность у Харитонова то и дело искажается. Если с особенностями творческого процесса такое допустимо, то в отношении настоящей жизни – не совсем. Неужели Лизавин мог встретить Милашевича? Только во сне такое возможно. Про инопланетян допустимо не упоминать. Впрочем, чему удивляться – загадок в романе Марка хватает. Было бы желание их разгадывать.

Думается, не Лизавин писал кандидатскую диссертацию о творчестве земляков, а делал это Харитонов, причём рассказывая о судьбе человека, чьи произведения могли бы его вдохновить на литературные свершения. Приходится признать, у Харитонова получилось заинтересовать людей, ежели отлежавшийся в столе роман сразу после публикации получил одобрение. А может быть общественность давно ждала свежего взгляда на литературу: чего-то экстраординарного и далёкого от реалий будней Советского Союза. К тому же хорошо, что неоценённое в двадцатых годах творчество Милашевича, нашло спрос спустя семьдесят лет.

Скорее всего, это именно так. Сошла лавина, обнажив перед читателем сходных по духу с Харитоновым писателей. Их произведения не публиковались в Союзе, либо издавались за рубежом. Не в рамках «Русского Букера», но с помощью других литературных премий их имена стали известны русскоязычному читателю. Но Харитонова можно считать первым среди подобных, какой бы действительной ценностью его произведения не обладали.

Теперь сундучок Милашевича позволительно закрыть – линия судьбы восстановлена. Не в наши дни, а лет через сорок-пятьдесят, кто-то проявит интерес к творчеству писателей девяностых. Марка Харитонова точно не обойдут вниманием.

1994 Владимир Маканин «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» (1993)

Структура произведений Владимира Маканина не так проста, каковой она представляется после прочтения. Сперва кажется, автор испытывает читателя, проверяет его на прочность – сможет ли тот понять, в какие степи унесёт фантазия писателя. И если сможет, то сумеет ли переварить предложенный ему текст, и какой интерпретации он будет удостоен. В случае «Стола, покрытого сукном и с графином посередине» всё оказалось неизмеримо сложно. Само название отдаёт уклоном в модернизм. Поэтому читателю требуется задуматься над осмыслением текста самостоятельно, поскольку Маканин излагает, не предлагая объяснений. Кто захочет понять – поймёт, кто не захочет – удостоит произведение того прозвания, коим оно по его мнению является.

Маканин постоянно возвращает повествование к столу, заново начиная сказывать ещё одну историю. Учитывая малый объём повести, вникнуть в произведение до конца не получается. Пусть над строчками бьются те, кто в том видит смысл. Если смысл не улавливается в общем, значит подобный модернизм остаётся уделом избранных, к коим не всякий согласится себя причислить. Грубо говоря, текст не усваивается и не откладывается, словно его нет. Словно на страницах не описывается ничего кроме стола, покрытого сукном и с графином посередине. Это есть. Оно запоминается. Прочее не так важно, скорее следует размышлять в ином ключе.

Истинный модернист способен написать книгу, просто взирая на мир через преломляющие свет грани стакана. Картинка искажается и позволяет иначе посмотреть на привычные вещи. Стакан можно наполнить разными жидкостями, тогда действительность предстанет в разноцветных красках. Но то стакан – он прозрачный, лёгкий, мобильный, всюду доступный. А вот стол, покрытый сукном, либо без сукна, свойствами стакана не обладает: в нём два удобства – сидеть за ним и лежать на нём. Сквозь стол смотреть не получится – это глупо делать в стране, где практиковаться в постижении дао предпочитают с помощью всё того же стакана. Зато у Маканина есть графин – малая толика здравого смысла. Однако, графин без стола не функционирует. В том-то и беда русского человека – здравый смысл всегда к чему-то привязан, иначе смыслом он не считается, тем более здравым.

Вновь возвращается Маканин к столу, покрытому сукном. С одного положения он с его помощью посмотрел, пришёл черёд занять другую позицию. До того был подход адекватный, и далее будет адекватный, потом уже не будет адекватным, пока адекватность не сойдёт на нет. Читатель внимает, стараясь уловить смысл происходящего. Может следовало представить себя столом, отгородившись от мира сукном? Что до графина, то он останется стоять посередине. Без графина, как оказалось, стол отдельно существовать не может, а значит продолжит стоять на том, кто представляет себя столом. Занимательное получается отождествление живого с неживым, разумного с неразумным, чистого душой с чистым по содержанию.

И снова перед читателем стол. Забыт стакан, не вспоминаются последствия чрезмерно испитой жидкости. С нового листа начинается повествование, словно прежняя жизнь имела значение в свете других обстоятельств, прошедших через иную грань, преломившихся и будто потерявших связь с прежними обстоятельствами. Тот же самый стол, покрытый сукном и с графином посередине, но уже воспринимаемый под другим углом – Маканин занял новую для повествования позицию.

Опять стол, на нём прежнее сукно и неизменно сохраняет срединное положение графин. Они не изменились, изменилось всё остальное. И будет изменяться. И пока Маканин способен менять позиции для восприятия, стол будет им храним.

1994 Булат Окуджава «Упразднённый театр» (1993)

Обществом легко манипулировать. Скажешь людям – это плохо. Люди верят и считают плохим. А скажешь – это гениально. Мало кто оспорит. И только утрата памяти поможет разглядеть в некогда плохом хорошее, в гениальном – посредственное. Всему своё время и всему своё отношение к действительности. Годы пройдут, прошлое будет иметь значение лишь для тех, кто не имеет других аргументов в настоящем. И пока живы свидетели, до той поры они будут нести в себе истинное отношение к нам более неведомому.

На старости лет тянет вспомнить былое. Булат Окуджава взялся рассказать о собственном детстве и показать жизненный путь предков. Биографией его труд не назовёшь, скорее он художественно обработан. Равномерного повествования нет – Булат то о себе рассказывает, то погружается в прошлое, то заглядывает вперёд. Кто знаком с Булатом, тому его подход будет безразличным, а кто об Окуджаве имеет смутные представления, тому содержание «Упразднённого театра» покажется чрезмерным нагромождением со множеством действующих лиц.

В семейных хрониках Булата есть ряд сомнительных моментов. Во-первых, кто тот предок, от которого Окуджава происходит? Он приезжий, толком о нём ничего неизвестно. Он мог быть русским, либо кем угодно ещё. Остальные предки происходили со стороны армян или грузин. Особого значения это для самого Булата не имеет. По тексту нельзя определить, кем же был сам Окуджава. К нему не применишь определение Фазиля Искандера, касательно национальностей среди кавказских народов.

Не имеет значения и тот факт, что в 1924 году в Москве родился мальчик, названный Дорианом, после фигурировавший в тексте под обилием разных имён. Этот ребёнок периодически появляется в тексте, являя собой связующий элемент между настоящим и ушедшим временем. Через него проходят сюжетные линии, тогда как он являет собой их завершение. Мальчик, чаще прочего прозываемый Иван Иванычем, примечательным не является. Талантов в нём вроде бы и нет. На стихотворной ниве он не блистал, музыкальным дарованием не отличался.

Раз проявившись в тексте, Иван Иваныч уступает место на страницах предкам. Булат снова возвращается к ранним событиям. Показывает гражданскую войну. После Окуджава заново описывает рождение Иван Иваныча, чтобы далее рассказывать о событиях 1932 года, красной пропаганде и борьбе с троцкистами в 1937 году. Идеологии столкнулись, никого не пощадив. Кто стоял за действующую власть, тех первыми забрали: отца Булата расстреляли, мать арестовали и сослали в карагандинский исправительно-трудовой лагерь. Ирония в том, что когда Иван Иваныч спрашивал мать о том, может ли кому не нравится их страна, то получил ответ, что кому она не нравится – тот является врагом.

Обществом легко манипулировать. Не существует общественного сознания. Есть идеи, вдохновляющие вершителей. Они долго созревают, мгновенно покоряют умы и обязательно растворяются в безвестности. Но люди живут идеями, подчиняются им, стремятся соответствовать ожиданиям современников. Общество варится, томится в ожидании воплощения кажущихся важными устремлений. Рождаются дети, становятся свидетелями дел родителей, задумывая изменить до них устоявшееся. Кто не сможет пробиться во власть, тот найдёт иной способ сообщить о воззрениях.

Театр предков Окуджавы упразднили. Одних актёров сократили, другим предложили новые роли. Театр никуда не делся, он продолжил функционировать. Упразднённым он оказался для Булата, тогда как кроме него этого никто не заметил. События тех дней давно стали историей. Для Окуджавы они продолжали оставаться частью настоящего. И когда он умер, документальным свидетельством личного восприятия прошлого осталось его произведение «Упразднённый театр».

1995 Георгий Владимов «Генерал и его армия» (1994)

Историческая беллетристика полезна, но её действительное значение трудно понять. Редкий автор повествует именно о том времени, о котором рассказывает. Скорее, он повествует со своего рабочего места, окружённый бытом повседневности и заботами сегодняшнего дня. Поэтому на содержание беллетристики падает тень не прошлого, а авторского настоящего. Касательно произведения Георгия Владимова «Генерал и его армия» – всё так и есть. Казалось бы, Вторая Мировая война, некий гениальный генерал, подчинённые, общее дело, противостояние врагу, стремление развивать успех. Не было бы при этом излишних фантазий. Получилось произведение по мотивам.

Исторический фон реален. Владимов задействовал на второстепенных ролях настоящих участников войны. Но всё-таки они являются второстепенными персонажами описываемого действия. Главная роль отводится генералу и его ближайшему окружению. С первых страниц читатель едет с ними в одном автомобиле, проникается чувствами каждого из них, а после случается то, чего не должно было произойти. Таково краткое содержание произведения. Его вполне достаточно, чтобы знать о чём написал книгу Георгий Владимов.

Читатель желает узнать детали. Какие детали ему важнее? Из чего состоит американский армейский автомобиль Виллис или каким образом складывались судьбы основных действующих лиц? Владимов удовлетворил оба интереса. Сперва он рассказал о Виллисе. Эта машина передвигается по разминированной дороге, везёт генерала. Хорошо бы Виллис подлатать, заменить колёса и двигатель не помешало бы поставить более мощный. Генерал не должен чувствовать неудобств, многое зависит от принимаемых им решений. И кто же является генералом в повествовании? Он – вымышленное лицо. У него вполне может быть прототип, о чём в тексте нет упоминаний. Личность, понимая со слов Владимова, способная и деятельная.

Кто окружает генерала? Люди, прежде всего. Каждого из них Георгий чрезмерно детально описал. Всякая эмоция и маломальское желание не проскользнёт мимо читательского внимания. Кто интереснее – адъютант, водитель, сотрудник Смерша, обыкновенный солдат? Все они важны в одинаковой степени, если не важнее самого генерала, как некоторые из них склонны думать. И не беда, что они выдуманы. Они – единственное украшение повествования, поскольку не претендуют на отношение к истории. И они – те, кто обречён познать на себе горечь войны до самого конца. Чего нельзя сказать о генерале.

Последовательности при повествовании нет. События происходят хаотично. Владимов отступает назад и прыгает вперёд. Чаще так поступают, когда пишут по наитию, имея представление о чём, но не представляя, где надо поворачивать сюжет. Георгий знает, Виллис заедет в лес, там случится непоправимое. До того момента следует наполнить страницы текстом. Так изначально безвестный генерал, чья фамилия долгое время никак не обозначается, прописывается Владимовым за вылитого Власова. Читатель недоумевает: почему всё спокойно, где месиво Мясного Бора, почему не описываются реалии 2-й ударной армии, отчего так нелепо изображается спасение важного человека, когда пробиться к генералу практически не было никакой возможности. Просто перед читателем не Власов, а, продолжающий оставаться безвестным, генерал, пусть уже и с фамилией, ничего никому не говорящей, ибо с такой фамилией генералов в рядах Красной Армии в период Великой Отечественной войны не было.

Что не касается напрямую повествования, о том Владимов позволил вольные предположения. Его упоминания о Гражданской войне лучше лишний раз не упоминать, в той же мере не следует ссылаться на думы действующих лиц о том, что кто-то из них мог стать диктатором Советского Союза. Не надо трогать без надобности исторический фон. Он – конструкция шаткая, и без того грозящая обвалиться при желании разобраться в имеющемся на страницах. Существование генерала стоит допустить. К его окружению нужно проявить симпатию. Нам

всё равно не дано знать, как обстояло дело на войне в действительности. Мы можем верить очевидцам. Можно верить и лицам посторонним. Достаточно верить, тогда любая информация, подаваемая под видом правды, будет восприниматься в качестве правды.

Виллис грыз русскую землю, впиваясь колёсами во фронтовую дорогу – Владимов внёс вклад в понимание людей на войне, усеяв фронтовую дорогу опасностями. Смерть нёс случайный снаряд, пущенный случайной рукой – Владимов дал русской земле вспомнить об испитии ею крови павших бойцов, разными путями шедших к единому итогу жизни.

1996 Андрей Сергеев «Альбом для марок» (1995)

Жизнь каждого человека уникальна. Казалось бы, множество сходных черт и ситуаций, общая история, но всё-таки каждому дано что-то своё особенное. Андрею Сергееву выпало на долю провести жизнь так, чтобы о ней после написать и получить за то литературную премию «Русский Букер». Фрагменты прошлого выуживались из памяти хаотично и в случайном порядке помещались автором на страницы. Сперва детские воспоминания, после предвоенные и следом военные годы, поступление во ВГИК, беседы с Пастернаком, вперемешку с пересказом жизни родителей и деда с бабкой. Всё это получило название «Альбом для марок».

Сергеев по-детски категоричен. Изначально выбранный оттенок сопровождает повествование с первого до последнего абзаца. И данный оттенок имеет цвет «испражнений». Допустимо такое видение действительности принимать, пока описывалось детство. Но орально-анальная фаза развития должна была закончиться, а автор продолжил повествование в прежнем духе. Не может бесконечно вызывать улыбку юмор, неизменно продолжающийся оставаться на уровне туалетного. Всему полагается своё время и место, в случае Андрея Сергеева приходится говорить о ровном повествовании, словно не ребёнок вырос во взрослого, а взрослый продолжил оставаться ребёнком.

Впрочем, отразить прошлое Сергееву удалось. Описываемые им сцены свободно преобразуются в картинку. Детали, сообщаемые Андреем, редкой ценности информация, сохранять которую никто не станет, если она не является важной составляющей личного прошлого. Сергеев до войны был ребёнком, а значит смотрел на происходившее детским взглядом. Интереснее прочего для него было читать «Мурзилку», где в рисованной форме подавались истории об испанской гражданской войне. Играя, дети могли называть друг друга фашистами, обсуждать меткость злых финских стрелков. И всё бы ничего, не акцентируй Андрей через раз внимание на фекальной теме.

Вместо описания военных лет Сергеев поднял справки из семейного архива. Разбирая их, он в подробностях поведал о родителях. Потом о деде с бабкой, причём почти о тех же самых событиях. «Альбом для марок» хорош, если его воспринимать летописью рода Сергеевых самими Сергеевыми. Прочий читатель, знакомящийся с приводимыми документами, так и не поймёт, зачем автор сообщал ему сведения, о которых сам от кого-то слышал, решив теперь поделиться ими с бумагой.

Последующее становление автора – это его учёба во ВГИКе и ИнЯзе. Среда сугубо интернациональная. Посмеяться Сергеев находил над чем. Разнообразие тому способствовало. Про фекальную окраску можно лишний раз не напоминать. Таковой юмор всё чаще фильтруется и не воспринимается читателем, смирившимся с манерой изложения автора. Это его жизнь – о ней он имеет право рассказывать так, как считает нужным. Рамки приличия Андрей не переходит.

Позже придёт момент, когда Сергеев сконцентрируется на стихотворном творчестве. Понимая обилие стихотворцев, создающих вирши на любой вкус, нечто подобное создавал и автор. Самое странное, всякий поэт мнит себя гением, возмущается критике и выдаёт на-гора ещё, ещё и ещё рифмованных строчек. Наполнил оными «Альбом для марок» и Андрей Сергеев. Но стихотворения – это вещь почти интимная, продукт измышлений затаённых от всех мыслей. Делиться ими – не значит принимать их последующее осуждение. Человек сказал – того ему достаточно. Сергеев чрезмерно зациклился на себе, пытался представиться читателю в свете творца прекрасного.

И вот долгожданная встреча с Пастернаком. Поэт приветствует поэта. Судьба свела двоих под непечатным знаком. Поэт никогда не станет ждать поэта. Их души родственны, возможно, никто не думал о таком. Поэту не дано понять поэта.

1997 Анатолий Азольский «Клетка» (1996)

Некоторые книги не предполагают, чтобы читатель раскапывал закопанное в них содержание. Коли писатель закопал глубоко, так нет нужды это что-то извлекать на поверхность. Не пожелал писатель донести текст под видом понятного содержания, то пусть смысл произведения остаётся малопонятным. Читателю от того хуже не станет. Не станет лучше и писателю. А потому нужно говорить о произведении так, как оно предоставлено для внимания.

О чём рассказывает Анатолий Азольский? Самое интригующее случается в первых главах. Озабоченный юноша, испытывающий влечение к женскому полу, возжелал осязать женскую грудь. А так как товарка Наташка позволила исполнить желание в малом объёме, игриво оттолкнув его от себя попкой, то пошёл юноша по статуям. Что взять со статуй? Они холодные и удовлетворению влечения не способствуют. Остался юноше один вариант, у него в то время мама в больнице без сознания лежала. Вот её-то грудь он и стал с вожделением осматривать. Уж было вознамерился пустить в дело руки, а то и прильнуть, только мама в себя пришла и… Интересно узнать, что написал Азольский дальше?

Дальше Анатолий часто стал вспоминать сороковые годы, Менделя и его горох, опыты немцев, побег от них, постоянно вмешивая в повествование мордобой. Если и была сюжетная нить, то не мойра Клото её плела, настолько рваным вышло повествование, заставляющее забыть о какой-либо возможности понять представленное автором. Если и разбираться с сюжетом, то анализировать нужно каждый абзац отдельно, вместе они пониманию не поддаются – слишком разрознены, будто случайно расположились под одной обложкой.

Сюжет оказался в вакууме: он сам по себе, история сама по себе. Вольная авторская фантазия наполнила страницы содержанием, не озаботившись обозначить смысл над происходящим. Поступки главного героя не вызывают отклика, поскольку лишены логического осмысления. Передвижение происходит ради самого передвижения, без конечной цели. Измыслить более не получится, словно юноша из первых глав взирает на статуи и старается разглядеть в них настоящих людей, так и читатель, знакомясь с «Клеткой», не может увидеть в произведении настоящей литературы.

Так кто пребывает в клетке? И насколько оправдано понимание клетки, как места заключения? Скорее читатель лишён свободы, внимающий рассказу Азольского о похождениях главного героя, для которого клетка, видимо, является структурной единицей организма. Понять о том получается по упоминанию генетики в произведении. Но и это не имеет существенной роли, так как главному герою постоянно приходится заниматься чем-то другим, чему, как уже стало ясно, логического объяснения дать нельзя.

Проститутки, лесопилка, дорожная авария с участием трамвая – сюжет продолжает убивать интерес к произведению. Зачем тогда требовалось читать столь непонятную книгу? Причина в «Русском Букере», слабо оправдывающим надежды на возможность прикоснуться к достойной внимания литературе. Чаще приходится спотыкаться. Вместо получения эстетического удовольствия от чтения, понимаешь, в каких закромах обитал тот субстрат, что напитал русскую литературу похожими на «Клетку» произведениями. Ежели именно так подходить к пониманию работы Азольского, то придётся признать – читать такую литературу необходимо, дабы окончательно не запутаться во всё более разрастающейся мании писать, ничего не привнося в культуру.

Не дано «Клетке» Анатолия Азольского стать структурным элементом художественной литературы. Отмеченное литературной премией, оно продолжит привлекать внимание, пока «Русский Букер» себя окончательно не дискредитирует. Сия премия идёт шаткой поступью с первых лет создания, всё более шатаясь из стороны в сторону и скорее отталкивает от чтения его лауреатов тех, кто ранее знакомился с оными.

1998 Александр Морозов «Чужие письма» (1968)

Если при чтении читатель раздражается, значит автор того и добивался. А если читателя трясёт от поведения главного действующего лица, то подобное произведение получает чаще прочего негативный отклик. Александр Морозов повествовал в примерно схожей манере, ближе к концу повествования раскрыв для читателя суть натуры писавшего письма человека. И дабы читатель не испытывал негатив, его следовало бы заранее предупредить о том, что автор рассказывает от лица москвича Адама Абрамовича Первомайского 1917 года рождения, инвалида войны, проживающего на восьми квадратных метрах, скупого до невозможности и занудливого до противного.

На момент повествования возраст главного героя перевалил сорокалетний рубеж, он несколько лет женат, ежедневно пишет письма жене – именно из этих писем состоит произведение «Чужие письма». Должно быть его жена была очень покладистой, если терпела бесконечные претензии от человека, навещающего её где-то в провинции один раз в год, чтобы провести время с целью продолжения рода. У читателя сперва складывается отрицательное мнение как раз о жене, представленной в письмах неумелой грязнухой, живущей не понять как, коли ей требуется указывать на необходимость хоть изредка выходить из дома, а также регулярно мыться. Кроме того, жена представлена отвратительной хозяйкой, плохой кулинаркой и обладательницей отвратительного почерка.

Чем глубже читатель вникает в письма главного героя жене, тем сильнее крен отрицательного впечатления в сторону самого главного героя. Он ранее жил на пенсию по инвалидности, коей был лишён и теперь вынужден работать. Из Москвы он уезжать не хочет, постоянно зовёт жену приехать к нему жить, тогда им выделят комнату побольше. Считаться с нуждами жены он не желает. Куда уж могло быть страннее, ежели он регулярно просит жену сходить на рынок, купить продуктов, прилагает рецепт для приготовления, чтобы это варево отправили ему по почте, ведь продукты в Москве дорогие, а у него нет желания тратить деньги, коли они у него вообще имелись.

Поэтому адекватного позитива читатель в «Чужих письмах» может не искать. Главный герой будет ему глубоко противен. Лестных эпитетов он не дождётся. Хорошо бы данное произведение воспринимать образчиком чёрного юмора – поистине английского традиционного чёрного юмора. Александр Морозов взял определённую ситуацию, довёл её до идиотизма, выставив главного героя подобием неудачника, того не осознающего, зато имеющего высокое мнение о собственной личности. Не будь описываемое близким к сердцу читателя, можно было посмеяться во весь голос. Но даже такое очернение действительности не столько показывает «Чужие письма» гротескным произведением, сколько отражает реальность некоторых людей, на самом деле так именно себя и ведущих.

Развязка у повествования кажется предсказуемой. Любвеобильный Адам Абрамович мечтает прирастать по ребёнку каждый год, при этом ничем не помогая жене, лишь осуждая её за выполнение грязной работы, вследствие чего за детьми приглядывает приходящая няня. Главный герой, прожив всю жизнь без обязательств, боится оказаться обременённым ими теперь. Он так и не решится покинуть Москву, чтобы полноценно жить с женой в браке для ведения совместного хозяйства. Все его укоры возникают от собственного бессилия. Читатель в том убедится, узнав, как радовался главный герой, впервые сварив себе кашу, да как тот кутил свалившимся на голову богатством, потратив его на личные удовольствия, не думая оправдываться перед женой за забывчивость выслать деньги семье.

Надрывно смейтесь над происходящим. Какие могут быть беды в стране, когда такие люди живут с нами рядом. Разве может идти речь о заботе обо всех, пока в соседях живут тунеядцы, подобные Адаму Абрамовичу?

1999 Михаил Бутов «Свобода» (1999)

Любите поток сознания? Тогда не проходите мимо «Свободы» Михаила Бутова. Связи в повествовании найти не получится, поскольку происходящее на страницах переливается от одного к другому. Один элемент остаётся постоянным – рассказчик. Прочее бежит с листа на лист, стремясь перед глазами разбежаться в разные стороны. Концентрация внимания не поможет: улавливать суть при её отсутствии – бесполезное занятие.

Чем занимается главное действующее лицо в произведении Бутова? Пребывает в поисках чего-то. Только цели перед ним не стоит. Если нужна работа – ищет её. А как найти то, чего искать не желаешь? Ждать, пока такая работа сама тебя найдёт. В случае Бутова – находит. Есть одно Но! Действующее лицо не желает на кого-то работать. Данное лицо ранее имело над собой начальника, более иметь дело с руководителями не желает. Оно и само способно управиться – было бы требуемое такому делу занятие.

Повезло действующему лицу – нашёлся человек, готовый дать ему работу и не будет при этом контролировать процесс. И работа занялась. Так и трудиться во славу православного книжного издательства, не одолевай лицо мания фотографировать московских львов. Откуда такая возникла? Мечтой детства оказалась. А коли обязательства для действующего лица не являются обязательными для исполнения в угоду чьего-то желания, то легко понять, отчего в его жизни случались затруднения. Свобода – она такая: хочешь – работаешь, не хочешь – ищешь способ заработать.

Лишь на первых порах повествование кажется логичным, а действующее лицо цельным. Распад сюжетных линий приводит к распылению изначальных акцентов. Или среда изменилась, переломив представления о должном, либо автор забыл сообщить об особенностях повествования, толком не выделяя текущих событий, побуждая события просто случаться, без всякой на то надобности. Назад читатель может не отлистывать – действующее лицо постоянно пребывает в промежуточном состоянии, не связанным с ранее произошедшим и с готовым случиться дальше.

Мгновенно манера изложения может быть перестроена. Мытарства действующего лица легко уступают место занимательным рассказам о травле тараканов с прочтением инструкции и логическими выводами ожидаемого эффекта от применения отравы, вплоть до наглядного наблюдения за получившимся результатом. Насладившись убийством насекомых, действующее лицо станет подслушивать матерные разговоры женщин за окном. А когда и это надоест, возьмётся рассказать историю девушки, связанной с человеком, бравшим в долг и тратившим деньги на неизвестные нужды, после долг не возвращая, чем наделил эту девушку проблемами, с которыми она будет разбираться на страницах «Свободы». Ну и напоследок Бутов расскажет про бомбу, как действующее лицо собиралось везти её в Армению.

Фантазия ли всё рассказанное или есть связь с реально происходившим? Не так важно. Михаил чрезмерно погрузился в поток сознания, выуживая из него требуемую для изложения информацию. Не стал задумываться над правильностью подачи материала, представив его таким, каким читатель может наблюдать. И ежели читателю интересно мнение о «Свободе», то оно представлено честно, сообразно представлению о литературном модернизме. Был сразу поставлен вопрос. Согласившийся читать, ознакомился и вынес собственное мнение.

Последний вопрос о том, как поток сознания соотносится с российскими реалиями. Неужели некуда идти России, если её представители пишут о бесцельном существовании? Вполне вероятно, такое время было ранее, тогда таковой вопрос снимается. А может свобода под тем и понимается, что цели у человека быть не должно – он имеет право жить согласно личным представлениям, забыв о прошлом и игнорируя будущее.

2000 Михаил Шишкин «Взятие Измаила» (1999)

Надо читать больше качественной литературы. Например, творчество раннего Чака Паланика, а если Паланик не нравится, то беллетристику Михаила Шишкина, но и он не всем понравится, поскольку Шишкину до Паланика как Урану до Венеры, то есть они где-то рядом, крутятся вокруг общего, находятся в одной плоскости и имеют много сходных черт, только Венера близка к Солнцу, а Уран необозримо от него далеко. Собственно, Шишкин – это Уран.

Чем примечательно произведение «Взятие Измаила»? Во-первых, это поток сознания. Во-вторых, это сведение многих монографий под одну обложку. В-третьих, автор стремится к бесконечному описанию плавания фекалий в разбавленной мочой воде, где-то на уровне сливного отверстия унитаза. В-четвёртых, абсурд часто берёт верх над разумным. В-пятых, читателя обязательно будет тошнить при чтении, если читатель адекватный человек, которому полагается тяжело переносить наблюдение за человеческими страданиями и глумлением над телом себе подобных. В-последних, на произведение дано изрядное количество хвалебной критики. Откуда последняя взялась? Будем считать, что причина в надписи «Русский Букер», неизвестно почему воспринимаемая гарантией литературного качества.

Не полагается о первых пробах пера говорить в отрицательных словах. Но это применимо к писателям, только-только взявшимся творить, из которых неизвестно, что получится. Михаил Шишкин состоялся – его регулярно отмечают на различных мероприятиях и дают призовые места. Тогда уже позволительно негативно отзываться о стоящем данного негатива, ведь Шишкин не сойдёт с намеченного пути, заслужившего одобрения. Он скорее повергнет отрицательную критику во прах, ехидно усмехнувшись потугам того, кто даже близко не сподобился добиться сходного с ним положения. Всему своё время, господин Шишкин, время рассудит, кому владеть умами триллионов, а кому быть известным благодаря хотя бы такому упоминанию.

Вернёмся всё-таки к произведению «Взятие Измаила». Почему читатель думает, будто критик возвысился выше Олимпа, позволил себе стать пьющим нектар перед вкушающим амброзию? Очень просто. Шишкин поступил сходным образом. Он повергнул представления о настоящем вверх дном, сведя для личных нужд управление судьбами славянских и египетских богов, к которым он проявляет сомнительной низости уважение. Пусть боги не так важны для сюжета, место им Михаил определил, поставил под нужды повествования, чем недоступный ему медовый напиток сделал доступным.

Но богам отведена скромная роль, став наравне с ними, Шишкин позволил себе опуститься до низких человеческих потребностей, удовлетворяя возникший у него интерес приобщением к знаниям, для чего он читал сам, пересказав прочитанное прямиком на страницы «Взятия Измаила»: как строить печку, как жили индейцы Сиу, как делать слепки следов, как трупу ректально измерить температуру тела, как мигрируют трупные пятна, как скоро появляются трупные мухи, какие зверские наказания существовали, к каким животным человек испытывает сексуальные влечения. И когда градус читательского напряжения начнёт зашкаливать, тогда Шишкин одумается и встанет на рельсы сюжета, заранее для того поведав историю о случайной дефлорации не так повернувшимся доктором, чтобы после уже не останавливаться и губить человеческие жизни, к своему несчастью оказавшиеся раздавленными под нажимом его потерявшего остроту пера.

Что до Измаила, то Измаил окажется взят. Измаил не мог быть не взят, он был обречён на взятие. Когда сыр манит мышей – они устремляются к нему. Прогрызают стены и овладевают сыром. Их не остановит и положенная на их пути книга с описанием сего действия. Они прогрызут книгу, лишь бы добраться до сыра. А разве мыши не похвалят сыр? Похвалят. Так он же дырявый, скажут люди. Зато ради него стоило совершить отважный поступок, ответят

мыши. Что понимается под сыром? Спросите у мышей, коли они взялись его нахваливать. Не сыр они грызли! Не будем портить аппетит. Важно, что понравилось. И вам понравится, если вы… его распробуете.

2001 Людмила Улицкая «Казус Кукоцкого» (2001)

«Казус Кукоцкого» продолжил линию премирования «Русским Букером» произведений модернистической направленности. Будь первым лауреатом не «Сундучок Милашевича» за авторством Марка Харитонова, то всё могло сложиться иначе. Редкие выпадения из награждённых премией лишь имели вид далёких от творческих изысканий, в действительности оставаясь в так называемом авангарде авторов, пребывающих в поисках необычных сюжетов. В их числе оказалась и Людмила Улицкая, рассказавшая историю человека-КТ и членов его семьи.

История начинается не сразу, а, как любит Улицкая, после создания приблизительного представления о предках основного действующего лица вплоть до времён Петра I. Какие они были – Кукоцкие? Как и в любой другой беллетристике – людьми они были выдающимися, внёсшими огромный вклад в жизнь страны. Их прямой потомок, с такой же фамилией, выбрал для себя такую же профессию, как и его предки, став специалистом по «бабским» болезням. Улицкая наделила его «внутривидением» – способностью визуально представлять, что происходит в организме человека. Это и есть модернистический уклон? Нет, уклон появится немного погодя, когда мир физический уступит свои позиции миру потустороннему.

Прежде всего нужно понять, «Казус Кукоцкого» – не является историей семьи. С помощью данного произведения Улицкая рассказала об отношении людей к беременности и её последствиям. И если борьба с криминальными абортами на первых страницах кажется прихотью главного героя, видевшего в государственном запрете на добровольное прерывание беременности основной просчёт в законодательной базе страны, подрывающей генофонд; то ближе к заключительным главам читатель поймёт другое – попустительство к деторождению приводит не к благоприятным последствиям, а напрямую приводит к вырождению той нации, взявшейся пестовать население в угоду его бесконтрольного роста.

Почему? Достаточно посмотреть на действующих лиц произведения Людмилы Улицкой. Если кто-то сумеет разглядеть в них адекватных людей, значит не так уж и хорошо обстоит дело в его собственной среде, коли наплевательское отношение к здоровью и неразборчивость в половых отношениях позволяет судить именно об адекватности. Не из простых побуждений Улицкая наделила Кукоцкого «внутривидением» – тем она показала слабость человека перед природой, словно люди способны понять, будто попытка исправить плачевное положение предупредит наступление неблагоприятного исхода. Скорее знаток будущего сопьётся, его пациенты постареют и впадут в маразм, а самые близкие люди погибнут по его личному недосмотру.

Всему требуется своё место, далее которого заходить не следует. Это касается и «Казуса Кукоцкого». Как главный герой стремился определить негатив, находил отклонение от нормы и радикально лечил, так и Улицкая должна была увидеть негативные стороны произведения, поняв, насколько черна вторая половина книга, скорее отдающая порнографическими включениями с нотками физиологических отходов. Но кто, начав, умеет вовремя остановиться? Не умел Кукоцкий оставить человеку надежду на дальнейшее полноценное существование, либо то не позволяла сделать ему Улицкая, чего не позволяла и себе самой.

Что поделать… стремление писать сравнимо с зудом. Голова переполняется от тяжести, если не включается в творческий процесс, отвлекаемая на другие дела. И писать хочется всегда, если человек считает себя писателем. И пишет человек чаще больше нужного, забывая о прекрасном инструменте, называемом внутренней редактурой. Хорош тот писатель, что стремится убрать лишнее, добившись плотности текста. В наше время доход писателя почти никогда не зависит от количества печатных знаков, так почему бы и не озаботиться сокращением произведений перед публикацией? Надо создавать поистине ценные труды, к коим вполне допустимо отнести и первую часть «Казуса Кукоцкого».

2002 Олег Павлов «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» (2001)

Человек умирает, об этом пишут, придают смысл тексту и считают то достаточным основанием для притязания на нечто большее, нежели на беллетристику. Но написанное останется изложением мыслей автора, ни на что другое не претендуя, какого бы внимания оно не удостаивалось. В таком духе следует говорить о литературе, содержащей элементы памяти писателя, на примере личного участия предлагающего другим пережить сходные ощущения.

Олег Павлов не сразу подводит речь к основному содержанию «Карагандинских девятин». Сперва он неспешно приоткрывает перед читателем будни больницы, уделяя основное внимание главным постояльцам сего заведения – мышам. Чем те питаются, чем испражняются, куда складывают отходы жизнедеятельности, как выглядят сии отходы. Жизнь людей где-то в стороне. Да и не о жизни рассказывает Павлов. Он готовится повествовать о прохождении девяти кругов обыденности.

Связала судьба золотой зуб с трупом, стоматологов со смертью, полигон с похоронной командой, а читателя с Павловым. Есть желание или оно отсутствует, предстоит наблюдать, далеко не сразу – всё равно от созерцания не отвернёшься, за перемещением, по представлениям отбывшего в мир иной, по направлению в сторону Москвы, где будет захоронено его тело. Человек умер – испытания на том для него не заканчиваются. Он не будет понимать, ибо отбыл, куда везут тело, ибо утратил с ним связь. Его не будет, ибо не должно быть осознающих себя мёртвыми. Павлов расскажет об оставшихся жить, кому везти тело, кому принимать гибель человека.

Что полагается делать с трупом, то будет сделано. Отправится труп из морга на вокзал, где быть ему погруженным для отправления к месту последнего пристанища. И быть трупу в Москве, не столкнись его сопровождающие с миром российской действительности, выраженной в затруднениях, возникающих на всех промежуточных узлах. Главным из затруднений являются люди, порой случайные, а чаще не до конца понимающие, кто они для уже умерших, продолжая оставаться среди живых. И важно ли этим людям отдавать почести умершим, покуда не знают они, будут ли отдавать почести после смерти их телам.

В пьяном угаре, словно пьяным легче справиться с чувством утраты, люди совершают ошибки, переставая отличать мир настоящего от мира иллюзорного, отражённого в гранях стакана. В том мире умерший человек – не человек. Умерший оживает и кажется живым, оставаясь в действительности мёртвым. Не будут взывать действующие лица к справедливости, ибо умирает человек в силу необходимости умереть, по своему выбору или в результате стечения обстоятельств. Его тело нужно захоронить – так принято. И будут грузить гроб с телом до прохождения последнего из кругов.

Что до творчества Павлова, то им был выпестован абсурд жизни в той степени, в какой он присутствует на самом деле. Препоны возникают на пути всегда, даже после смерти. И пусть всё начиналось с мышей, обкрадывающих людей при жизни, всё закончится на момент захоронения, без упоминания, кто обкрадывает людей после смерти.

Девять кругов прошёл читатель вслед за писателем, заглядывая вместе с ним всюду. Нового узнать не пришлось, если не вспоминать о мышиной возне в среде больничных лекарственных препаратов. Неожиданно возникло в сюжете тело, было решено отправить его к месту захоронения по железной дороге. И пусть одно не увязывается с другим, Павлов строил повествование, ни на кого не оглядываясь. Единый раз произошло непонимание, когда отец умершего оказался готовым за бутылку водки продать родного сына. И продал. И не сожалел о гибели. И тело сына отправилось в небытие, словно и не приходило тело в бытие, отбыв, так и не прибыв.

2003 Рубен Гальего «Белое на чёрном» (2002)

Каждый смотрит на мир теми глазами, какие ему достались при рождении. Казалось бы, механизм зрительного аппарата у людей одинаковый, но все почему-то смотрят и понимают вокруг них происходящее порою с противоположных точек. Потому и не сходятся человеческие представления о должном быть, так как всем требуется лично проявлять заботу о себе и не ждать того от других. Хорошо, если человек здоров физически и духовно, тогда он не замечает страданий. Плохо, если человек будет сломан физически, а ещё хуже, если окажется сломан морально. Тогда придётся такому человеку видеть происходящее с ним в мрачных оттенках действительности. По этой причине и случаются крики души, какими поделился с читателем Рубен Гальего, рассказав историю своего детства, проведённого в детских домах по причине его инвалидности.

У Рубена детский церебральный паралич, но, рассказывая историю, он об этом сообщит лишь в конце. И не важно читателю, вследствие чего Рубен лишён способности двигаться, важнее то, каким он показывает отношение к нему окружающих. Будучи озлобленным, Рубен видит лишь творимое над ним зло. Либо, ежели подумать иначе, он желает видеть, как к нему плохо относятся, как он предъявляет требования к другим и не стремится требовать что-то от себя. Жизнь обошлась жестоко с Рубеном – тут ничего не изменишь. Только мировосприятие всегда зависит от человеческой способности понять происходящее. И Рубен не понимает – зачем ему позволили родиться, для какой цели позволили жить и ради чего он обязан существовать. Над разрешением трёх этих пунктов Гальего и будет размышлять до конца «Белого на чёрном».

Жизнь – величайшая награда природы. Но природа жестока – она всё делает для уничтожения нежизнеспособных видов. Человек – первый, кто выступил против такого порядка. Он стал заботиться о нежизнеспособных, позволяя им жить наравне с сильными представителями. Разве можно после этого укорять людей в чёрством отношении? Нельзя проявлять постоянную заботу, без остатка отдаваться желаниям нуждающихся и забывать о собственной личности, только бы создать прекрасные условия существования для тех, кому природа бы отказала в праве на жизнь. Человек же старается облегчить страдания людей, физически или морально ограниченных в возможностях. Поэтому не следует ждать всего и сразу, лучше винить природу.

Гальего не винит природу. Он винит людей, не желающих к нему нормально относиться. Рубен с того и начинает повествование, что никто ему не несёт горшок, дабы он справил физиологические нужды. И вот, рассказчик ползёт по полу к горшку сам, оправляется и замечает, как холодно в помещении, даже моча едва ли не моментально замерзает. Грустно, печально, хочется пожалеть такого человека, не по своей воле страдающего. Однако, Гальего показывает себя с деятельной стороны. Пусть ему не принесли горшок, зато он проявил волю и дополз до него сам, хотя мог обмочиться в постели. По той причине Рубен и высказывает недовольство, прекрасно понимая с ним происходящее и располагая силами совершить ему потребное.

К нему плохо относились, отвратительно кормили, почти не заботились. Но ведь ему дали жизнь, не позволили умереть и, как-никак, воспитали. Он вырос, стал равноправным гражданином, написал книгу о детских годах, припомнил неприятные моменты, немного сдобрил светлыми воспоминаниями. Он ныне такой же, как все остальные люди. И кто, скажите, заботится о других, если не они сами о себе? В человеке сильны заветы природы, гласящие – выживает сильнейший. В случае людей можно добавить, что выживает тот, кому хочется жить, кто тянется к жизни, кто живёт наперекор обстоятельствам. Остальные покидают наш мир, ибо не создан мир для ждущих помощи.

2004 Василий Аксёнов «Вольтерьянцы и вольтерьянки» (2004)

Одно плохо в известности, после смерти о твоей жизни могут писать такое, за что тебе обязательно было бы стыдно. И самое печальное, потомки будут верить, что ты именно так говорил и думал, как то представил некий писатель. Каким же образом автор отразит твои будни? Он не станет сильно озадачиваться, обставив прошлое через восприятие в его настоящем. Чем же таким озадачивались писатели конца XX и начала XXI века? Они плыли по волнам сексуального реализма, пытаясь собственные представления навязать людям предыдущих веков. Что тогда ждать от прошлого, как не хождений вокруг откровенной порнографии, скабрезных разговоров и поисков оправдания гомосексуализма? Собственно, о женских и мужских половых органах, воздействии на них и всего с этим процессом связанного – есть главная мысль писателей конца XX и начала XXI века. Прочее – декорации! Не более! Всего лишь декорации!

Скажем так, Аксёнов в тренде. Он на волне – ему понятны ожидания читательской публики. Только не всякий читатель согласится читать на уровне чаяний эротоманов. Но как же литературу подобного типа любят западные премии! Какое не возьми произведение, всюду встретишь откровенную порнографию. Не может постельная сцена произойти за закрытыми дверями, оставшись вне описания процесса в деталях, ибо всё должно быть выставлено на обозрение. Не станешь после такой массированной информационной атаки задумываться, будто некогда люди жили какими-то другими мыслями, а не пребывали в постоянной похоти. Если задумаешь откладывать каждую книгу писателя выше обозначенного периода, встретив на её страницах выше обозначенные сцены, то почти ничего и не прочтёшь, поскольку это есть в абсолютном большинстве произведений. Таковы требования сексуального реализма, ставшего особенностью литературы на границе второго и третьего тысячелетий.

Казалось бы, Аксёнов предлагает эпоху Вольтера. Василий рассказывает читателю о новых взглядах на действительность, якобы наступили времена, достойные остаться в памяти потомков. Желание Аксёнова похвально – соответствовало бы содержание замыслу. Читателю приходится внимать приключениям ветрогонов, поступающих согласно присущим им прихотям, не подразумевающих определённой конечной цели. Сугубо из желания выделиться, встать над докучающей им серой массой людей. Нет ничего для того лучше, нежели объявить подобие мелкого пакостного бунта. Вроде бы и не нарушили ничего, зато как громко о себе заявили.

Одно дело, будучи молодым хотеть перемен. Другое, хотеть перемен, осознавая их необходимость после многолетних размышлений. Молодые активно восстают против, пытаются грубо ломать систему, не задумываясь о последствиях. Люди постарше предпочитают плавный переход, стараясь избежать социальных потрясений. Причём же тут Аксёнов, спросит читатель. Действительно, Аксёнов тут ни при чём. Приключения ветрогонов не подразумевают под собой стремления к чему-либо, кроме самих приключений. Потому и приходится говорить о пустоте содержания. Василий опять представил для внимания набор баек, но не из советских времён, а откуда-то издалека, будто бы взяв их прямо из будней населения Российской Империи.

Нельзя с одинаковой степенью отягощённости знаниями на равных рассуждать об исторических процессах и актах самоудовлетворения. Не могут два данных момента оказываться одинаково необходимыми в художественном произведении. Либо говори серьёзно о серьёзном, либо не выдавай разговоры о серьёзном за разговоры о серьёзном, когда тебя беспокоит зов плоти. Разумно предположить, что сфера сексуальной жизни людей имеет важное отношение к политике. Однако, всё-таки у Аксёнова речь преимущественно о ветрогонах. Им же неважно куда идти, за них их направление определяет ветер. А коли так, то ветер может быть и ураганным. И не ветрогонам после разбираться со сломанными человеческими судьбами.

2005 Денис Гуцко «Без пути-следа» (2004)

Мёртвые души бывают живыми – они есть, просто их предпочитают не замечать. Когда Советский Союз прекратил существование, появилось множество мёртвых душ, брошенных на произвол судьбы. Вчера они были частью единого государства, на следующий день стали изгоями на всём его пространстве: уже не части целого, а самостоятельные единицы, никому ненужные и потому отчасти уподобившиеся мёртвым душам. Не повезло тому, кто будучи русским, проживая в России, имея при этом прописку любой из бывших советских республик, оказался в неразрешимой ситуации – он нигде не может обрести дом. Именно с такой ситуацией предстоит разбираться герою произведения «Без пути-следа» Дениса Гуцко.

Не имея вкладыша, воплощая своим примером последствие пословицы «Без бумажки ты…», главный герой Дениса Гуцко продолжает жить в России, периодически возобновляя попытки получить паспорт гражданина. Сей вкладыш – сущая глупость. Он требуется гражданам России даже тогда, если им предстоит после поменять паспорт. Истинная мёртвая душа, чьё существование подтверждается документом, борется за права, наделять которыми ни у кого нет желания. Основная повествовательная линия постоянно будет возвращаться к разрешению затруднения по обретению гражданства, в прочих моментах уводя разговор в дебри.

Человек живёт разными проблемами. Желание получить паспорт понятно. Но требуется помнить и о других нуждах. Например, добывать средства на пропитание. Каким образом это можно сделать? Допустим, заниматься коммерческой деятельностью или своеобразно опекать тех, кто занимается коммерческой деятельностью. Можно выполнять поручения, либо их распределять между другими. Занятий человек без паспорта найдёт достаточно, ежели того пожелает. Торговать на рынке ведь никто ему не запретит, особенно работая на хозяина, нуждающегося в дополнительных руках.

Может показаться, Гуцко описывает переходный период от краха Союза до восстановления государства. Однако, чаще авторская речь касается рубежа тысячелетий, с упором на выборы 1999 года. В моменты кратких просветлений Денис вспоминал об обыденности и давал картину прошлого в деталях, не погружаясь в очередной диалог, в котором обилие пустословия способно сбить читателя с мысли. Подробная история жизни главного героя станет понятней ближе к концу повествования, а до того момента необходимо по кусочкам собирать предложенный на страницах текст.

Снова и снова главный герой спускается по лестнице бюрократизма ради получения необходимого ему паспорта. Снова читатель освобождается от водянистого изложения будней главного героя, понимая суть очередного препона. Кажется, помочь главному герою никто не сможет. Он так и будет неприкаянным бродить по просторам России, понимая, что решать проблемы за него не будут, самостоятельно же решить он их не сможет из-за сложившихся против него обстоятельств. Нужно приблизиться к людям, имеющим отношение к власти. Да смогут ли помочь главному герою чиновники? Занимающиеся на страницах произведения борьбой за голоса избирателей, чтобы потом забыть обещания и жить вне интересов избирателей до следующих выборов.

Мёртвые души бывают живыми. Они появляются в случае необходимости их существования. Они исчезают из поля зрения, стоит нужде в них отпасть. Только мёртвые души не умирают, они продолжают бороться за право считаться живыми. Читатель так и не поймёт, сумеет ли главный герой произведения «Без пути-следа» обрести требуемый ему вкладыш, необходимый для получения паспорта. Думается, лестница бюрократизма не пропустит его через себя просто так, поскольку, вне воли своей запнувшись, подняться со дна станет крайне затруднительно. Странность ситуации в том, что вершина бюрократизма располагается на дне,

всё равно продолжая оставаться недоступной обитателям самого дна, ибо она выше того, существования чего предпочитает не замечать.

2006 Ольга Славникова «2017» (2006)

Если постоянно сравнивать, то в итоге окажется, что весь смысл повествования сводился к этим самым сравнениям. Красиво показать, как нечто напоминает листья плевы или капли юношеской спермы, а то и походит на ватрушку с повидлом, практически идентично тому, как представить некую ситуацию, взятую откуда-то из будущего, происходящую где-то за мифическими Рифейскими горами. И пусть те горы входят в состав России, которую, видимо, населяют те самые гипербореи из преданий древних греков. А в общем ситуация окажется безвыходной – скоро должны случиться выборы, следовательно ожидается экстраординарная ситуация. После же жизнь устремится по другому руслу, должному возникнуть вследствие кем-то задуманного взрыва.

Почему всё так происходит, как описывает Славникова? Ответ на это даёт главный герой произведения – причина в том, что сейчас 2017 год. Это действительно многое объясняет, так как не является объяснением. Основная причина – авторская фантазия. О чём же автор взялся рассказывать? Он даёт представление о жизни человека, воспитанного суровым отцом, причём настолько суровым, что от порки главный герой непроизвольно мочился. Воспитан настолько сурово, что любил воровать у других ту вещь, которую украли у него. Он оказался настолько сурово воспитанным человеком, что решил посвятить жизнь камнерезному ремеслу, дабы за это жизнь свела его с похоронным бизнесом. Суровым главный герой будет и относительно выбора спутницы жизни, возраст которой не станет иметь для него значения.

Какое же оно – будущее? Люди будут бояться ходить по улице, ибо кругом братки. С братками будут бороться «менты». Причём слово «менты» в будущем будет употребляться постоянно, к месту и ни к месту. Да и будут ли они бороться с братками – вопрос. Ещё в будущем начнёт происходить малопонятное проявление таинственных сил, чьё присутствие в повествовании себя не оправдывает. Если говорить по существу, то ни один элемент в повествовании себя не оправдывает. Всё приходилось автору к слову. И ежели Славниковой это пришло на ум, значит этому требовалось быть в сюжете. Так, вне всякой хронологии, повествование будет бросаться из настоящего в прошлое, ничем такие возвращения к иным эпизодам жизни главного героя не объясняя. Захотелось Славниковой описать порку, либо увлечение бейсджампингом – она описала. Захотелось добавить в сюжет мистику – это было сделано. Понадобился сюжету теракт – быть ему на страницах произведения.

Что до самого сюжета – о нём можно не говорить. Читатель с ним сам ознакомится – говорить о спонтанных поступках действующих лиц оставим желающим выдать основные интриги повествования. Одно можно сказать без опаски – в будущем появятся люди с необычным подходом к жизни и смерти. Они будут выдвигать такие теории преобразования человеческих ценностей, какие обычно приходят к тем, кто не понимает, среди кого он живёт.

Впрочем, произведение у Славниковой более фантастическое, поэтому понимать его требуется только с осознанием этого. Пусть место действия считается похожим на Урал – Уралом от этого оно не станет. Да и Россия – не обязательно будет той Россией, которой она является для её жителей. Прежде всего надо понять, всё описываемое Славниковой происходит близ Рифейских гор. А где они находятся, никто ныне не может сказать. Под ними понимались многие горные системы, и не обязательно Уральские горы. Значит и описываемая в произведении ситуация имеет приблизительное отношение к действительности. Только стоит ли о том говорить?

Фантазия человека – есть фантазия человека. Требований и ограничений к фантазии не существует. Каждому дано право фантазировать для его собственного удовольствия.

2007 Александр Иличевский «Матисс» (2006)

Не мешайте человеку писать – пусть лучше пишет, а то мало ли какой художник из него может получиться: мир содрогнётся и горько пожалеет, отчего не воспринял такого писателя ранее именно в качестве писателя. Видимо по данному соображению творчество Александра Иличевского оценивается современными ему деятелями от литературы. Или, если иначе посмотреть, подобные Иличевскому оценивают литературу так, чтобы самим не оказаться в проигрыше. Так или иначе, «Русского Букера» Иличевский получил. В остальном тому, за какое дело он его получил, если и стоит уделять внимание, то не настолько глубоко, чтобы не оказаться в глупом положении.

А как иначе? Главный герой произведения «Матисс» занимается тем, чем в тот момент занималась голова Иличевского. Только голова Александра думала, а герой на страницах произведения занимался тем по её воле. Как так? Проще сказать, что шло в голову, то шло в сюжет произведения. А шло туда всё валом, без разбора и в довольно сумбурном виде. Воспринимать описываемый Александром мир настоящим не получится, слишком он нафантазирован. Либо речь идёт о действительных деградантах, чья жизнь вообще никого не должна интересовать. Однако, Иличевскому она интересна.

Что есть главный герой? Подобие бомжа. Живёт он в подъезде, там же живут проститутки. Бомжей убивают ради спортивного интереса. Что делают с проститутками ради спортивного интереса, Александр не сообщает. Картина представлена. Что пришло в голову? Отчего-то Кавказ, рабство в ауле и строительство фазенды тамошнему аксакалу. Зачем и откуда это взялось в повествовании между описанием иличевского быта бомжей? Внезапно – обстрел Белого дома танками, снова бомжевание, и вот Александр решил вспомнить предысторию главного героя. А потом, снова неожиданно, возникает на страницах блокпост, рядом с которым в кустах сношают козу и там же её сжигают. Если читатель не выругается, если ему понравится, значит за справкой на водительское удостоверение он может более не ходить – не дадут!

Остаётся подумать о бомжах. Не те пошли бомжи в наше время. Вот раньше. Собственно, и раньше бомжи покидали северные регионы страны, перебираясь в южные, спасаясь там от суеты и государственной волокиты. Но те бомжи продолжали чтить страну, считая себя её частью. Ныне бомжи не чтят страну, хоть где они живи. Не станут они такую страну защищать от врагов, сугубо находя упоение от нищенского существования. Разложились нравы на всех уровнях, впору Льва Гумилёва вспомнить. Печально осознавать, пассионарии в стране закончились, остались бомжи. Как по образу жизни, так и по складу ума.

И ежели герои более не воспеваются, пальма первенства в почитании отдаётся деградантам: жди беды. Почему об одном прошлом хорошо отзываются? Современники того прошлого любили своё настоящее. А почему о другом прошлом отзываются плохо? Так как дошли до нас свидетельства чем-то недовольных. Потому, что бы не произошло, рубеж первого и второго тысячелетий станет чёрным в истории Российского государства, ибо в расплодившейся грязи не получится найти светлых произведений. Более того, известная истина гласит – человек достоин того, что его окружает. Это действительно так. Покуда пестуются иличевские матиссы, не приходится рассчитывать на изменение чего бы то ни было в лучшую сторону.

Не о космосе мечта, ныне славим мы бомжа! На такой ноте стоит завершить обсуждение произведения Александра Иличевского. Каких ещё сюрпризов подкинет читателю «Русский Букер»? Не призвана ли эта премия внести ложку дёгтя в некогда славную традициями литературу?

2008 Михаил Елизаров «Библиотекарь» (2007)

Прочитав сию критическую заметку о романе Михаила Елизарова «Библиотекарь», вы станете обладателем уникальных способностей. Вам покорится неведомая тайна бытия: смысл раскроется перед вами вне вашего желания. И когда вы, осилив текст, доберётесь до точки, вернётесь к прочтению заметки снова, то знайте – в вас проснулась та самая уникальная способность.

Не нужно теперь бояться. Универсум прост. Согласно ему, следует уделять внимание литературным произведениям более положенного. Не просто прочитать и забыть, а скрупулёзно изучить, не стараясь переварить текст, отдаваясь нахлынувшим эмоциям. Если возникнет желание уничтожить книгу – это лучше сделать немедленно: без промедления выбрать необходимый метод казни. Предпочтительнее – показательное сожжение при скоплении людей. Если книга понравится, то быть ей в числе любимых. Каждая страница подлежит бережному обращению. Нужно учесть, в случае эмоционального отклика на прочитанный текст – придётся смириться с мистической составляющей, согласно которой содержание книги обладает способностью влиять на подсознание.

Вот в руках «Библиотекарь» Елизарова. Это история в духе магического реализма, раскрывающая особенности некоторых писателей со стороны их умения рассказывать обыденные истории, используя для изложения непостижимые разумом сюжетные детали. Говоря обыкновенным языком, автор решил выжать собственный мозг, поскольку иным образом он распоряжаться серым веществом не умеет. Иногда получаются достойные внимания работы. Иногда! Как и остальное в нашем мире: есть умельцы, создающие классику жанра, а есть остальные, портящие общее мнение о нём.

К классикам магического реализма или к остальным следует отнести творчество Елизарова? В случае «Библиотекаря» – только в стан вторых. Мало идеи – требуется её реализация. Не получается понимать нескончаемые боевые столкновения действующих лиц за раскрытие предложенного Универсума. Читателю описан источник проявления магических способностей, и ничего кроме. Автор предпочёл развивать «дикие сравнения», опираясь сугубо на них. Люди, с образом мыслей действующих лиц, обычно находятся за жёлтыми стенами, где им и не такие грёзы могут казаться явью.

Конечно, сила в книгах есть. Кто только не писал про это. «Хазарский словарь» Павича, например, или «Колыбельная» Паланика. Все по своему сходят с ума, Елизаров предпочёл уделить внимание некоему советскому писателю, чьи книги спросом не пользовались, и печатались по той причине, что в Советском государстве печаталось многое, никем в таком множестве не читаемое. Однажды, один гражданин прочитал книгу того писателя, почувствовал преображение. Разворачиваться сюжету и дальше, именно от лица первооткрывателя мистической составляющей, но Елизаров дал краткую вводную, разбавив последующим сказанием от юного неофита, который – скажем правду – манчкин, али читер, али ещё кто, кому удаётся обрести нечеловеческие способности благодаря фэнтезийным ухищрениям, ровно как и всем другим, кому удавалось прочитать одну из книг.

Всё прочее, банальное отражение компьютерных забав. Легко придать Универсуму Елизарова вид онлайн-проекта. Таковой обязательно поспособствует интересу к литературе среди геймеров, ведь им придётся читать книги без перерыва, дабы прокачать определённый навык. Кто больше прочитал – тот сильнее. А кто больше раз перечитал – ещё сильнее. Останется лишь найти время для сражений, чтобы не оказаться без книг, что равносильно гибели компьютерного персонажа. Это не отклонение от понимания «Библиотекаря», таким же образом поступают действующие лица произведения, создающие объединения с целью сохранения в стенах библиотек и читален важных для роста их навыков книг.

Как заготовка для иных проектов, «Библиотекарь» – кладезь. Но художественной ценности он не представляет. Когда-нибудь труд Елизарова будет оценен должным образом, пока же он остаётся в рамках литературного его понимания.

2009 Елена Чижова «Время женщин» (2009)

Два момента в литературе являются спорными: чтение авторской переписки и откровенный разговор о чьей-то жизни. Если знакомиться с чужими письмами – признак дурного тона, то внимать исповедям – считается допустимым. Но все ли исповеди являются достойными внимания? Допустим, собралась группа людей и занялась разговорами – говорят обо всём, что им на ум приходит. Ежели ход всей беседы записать и придать после ей вид художественного произведения, то его нельзя назвать полноценным. Однако, ряд авторов использует подобного рода приём, сообщая читателю нечто важное, но при этом не должное выйти за пределы круга рассказчиков.

В случае «Времени женщин» Елены Чижовой получилось следующее: имеются беседующие героини, каждая из них рассказывает определённую историю, периодически сбиваясь на поток сознания. Судьбы героинь переплетаются, благодаря чему Чижова постоянно возвращается в прошлое, будто решила пояснить ранее упущенные моменты. Кроме того, героини сами создают себе проблемы, а так как это один из авторских приёмов, заставляющий читателя негодовать от, мягко говоря, приступов тупости у действующих лиц, то возведение неадекватности ставится в угол всего описываемого. Не стоит удивляться происходящему на страницах – иного быть не могло.

Основная сюжетная линия касается женщины, чья жизнь показывается с постыдной беременности её матери. Прочие истории отражают эпизоды советского прошлого. Чижова рассказывает о настолько разном, о чём только и могут говорить люди, когда все темы исчерпаны, а расходиться рано. Лучше прочего рассказывать об обидах: кому-то не нравится местная детская поликлиника, тогда это учреждение удостоится порции критики. Женский разговор неисчерпаем, поэтому у книги Чижовой не может быть конца. Обсуждению подвергается всё, вплоть до евреев.

Вдоволь наговорившись на отвлечённые темы, Чижова вспоминала основную сюжетную линию: как жила девочка первые годы, что происходило с её матерью, чем они занимались дальше. Важен ли данный текст? Может кому-то он покажется интересным, или «Время женщин» станет напоминанием о днях ушедших. Ничего другого читателю произведение Чижовой не даст. Аналогичный сюжет доступен всем, стоит присоединиться к беседующим людям, как узнаешь о судьбе людей, о чьей жизни и не думал узнавать, но в таком случае станешь участником живого действия и получишь возможность узнать более сообщённого.

Драматизация желательна в любом художественном произведении. Без проявления сочувствия, не ощутишь причастность к описываемому. И пусть автор делает из действующих лиц идиотов, трепетная душа удовлетворится хотя бы намёком на необходимость обронить слезу. Пусть та слеза – отражение собственной глупости. Некоторым людям требуется переживать, словно они не понимают искусственности представленных на страницах жизней.

Постойте! Вдруг окажется, что Чижова использовала фрагменты воспоминаний настоящих людей? Тогда вдвойне стоит укорить Елену. Вместо отражения человеческого бытия в радужных оттенках или в смене белых и чёрных полос, читатель внимает бесконечной депрессии, где всё плохо и лучше никогда не будет. Всем понятно, люди рождаются для страданий, и данные страдания они должны принимать с воодушевлением, так как это посылаемые судьбой испытания, преодолев которые станешь тем, кем положено быть. Да вот только, отчего-то, людям подавай счастье, и ничего кроме счастья. Словно не знает человек – не быть ему никогда счастливым, покуда он очерняет действительность. Тому Чижова способствует: её героини прожили жизнь, не поняв, зачем жили.

Есть негласный список запретных тем, о которых лучше не говорить в кругу собравшихся, если это не является целью беседы. У Чижовой все пункты оказались востребованными.

2010 Елена Колядина «Цветочный крест» (2010)

А не назвать ли Елену Колядину Генри Миллером православного разлива? Сия писательница внесла струю оригинальности в до того монолитное понимание христианской морали. О чём замалчивала Калязинская челобитная, то в полном объёме присутствует на страницах «Цветочного креста». Благодаря популярному направлению в литературе, именуемому сексуальным реализмом, писатели методом экстраполяции свои чувства переносят в прежние времена, присваивая аналогичное мышление действующим лицам прошлого. Ежели цивилизация Запада в XXI веке подвергается моральному разложению, такое же отношение человек европейского и американского континента готов видеть во всём его окружающем. Чего не было ранее, то породила бурная фантазия. Принимать серьёзно подобную литературу не рекомендуется, дабы не делать ложных выводов об ушедших временам.

Чем интересуются герои произведения Колядиной? Всем, что касается сексуальной части жизни. Представленные на страницах герои ни о чём другом не мыслят, кроме желания узнать, какими непотребными делами занимаются их знакомые: в каких позах, в какие места, с кем и когда, каким образом и в мельчайших подробностях. Если читатель не покраснеет на первой странице произведения, воспримет описываемое с должным терпением, то знакомиться ему с продолжением текста в таком духе до последней страницы, так как ничего иного Елену Колядину не интересовало.

Первоначально «Цветочный крест» печатался под названием «Весёлая галиматья», как то гласит один из доступных читателю источников. Сразу становится понятным, насколько писателю было любопытно увидеть реакцию на его работу. Люди не могли спокойно принять произведение, в котором высшие ценности низводят человека до непосредственности животного. Стремление одобрить «Цветочный крест» – это признание заслуг Запада перед человечеством, сдвигающего дарвиновский постулат об эволюции в сторону псевдоестественного процесса, который ведёт человечество к вырождению, поскольку препятствует продолжению его существования.

Писатели опошливают действительность. Сексуально распущенными стали те, кто ранее никогда не удостаивался подобных эпитетов. Касательно языческих народов и современников автора такое вполне допустимо, но зачем писать «галиматью» о святом? Этот вопрос не в защиту каких-либо религиозных воззрений, поскольку всякое в жизни случается. Скоро никто не удивится, увидев порочащий текст о прежде запретном. Помыслить допустимо разное, как бы писатель не удостоился в дальнейшем осуждения и не подвергся остракизму.

О христианских религиозных деятелях хватает слухов. Паства им верит, тем соглашаясь с мнением, будто каждому человеку свойственно всё человеческое. Восприятие с этим соглашается, допуская возможность описываемого Колядиной. Почему бы священнослужителям не думать о половых органах, не заставлять о них думать прихожан? Коли человек греховен с рождения, значит он тайно от всех стремится получить удовольствие от запретного. Неужели Елена Колядина с суровым выражением прописывала диалоги, пока на страницах действующие лица удовлетворяли любопытство или давали плоти ею требуемое? Не является ли – представленное читательскому взору – обвинением в ханжестве религиозно настроенных людей?

Деструктивный элемент давно заложен в конструкцию христианской морали. Добавление информации по данному поводу никак не повлияет на ситуацию. Колядиной достаточно было разыграть ситуацию с грехопадением, построив на ней весь дальнейший сюжет. Тогда «Цветочный крест» мог восприниматься в качестве задевающего за живое произведения, поднявшего важную тему для обсуждения. Елена Колядина пошла по пути написания анекдотических ситуаций. Если разбить произведение на фрагменты, получится сборник скабрезных

шуток о попах и прихожанах. Будет чему дивиться и над чем смеяться. Слитая воедино история скорее навевает скуку. Однообразие Колядиной воспринимается безобразием.

Надо отдавать отчёт в том, что ты говоришь. И не удивляйся, если тебе плюют в спину. Современники не поймут, лишь бы потомки не забыли.

2011 Александр Чудаков «Ложится мгла на старые ступени» (2000)

Не создавай кумиров себе – гласит мудрое послание от предков. Ибо ежели имеешь ты кумиров, то желаешь видеть их подобие во всём тебя окружающем. А не найдя оного, стараешься его создать. Таковым кумиром для главного героя произведения Александра Чудакова стал дед. Замечательным он был человеком. Всем на зависть он был человеком. Прожил дед жизнь так, как не должен был её прожить. Относился он к действительности с чувством недопонимания, не имея при этом к ней претензий. Дед главного героя жил, и тем уже был счастлив. Время досталось ему советское – сталинское. Быть упадническому настроению, каковое привыкли видеть люди в буднях тех дней. Но ничего подобного Чудаков не сообщает. Действующие лица живут на страницах его произведения обыкновенной жизнью людей, так как ничего другого им не оставалось, поскольку иной возможности для них не имелось. Тем и выделяется «Ложится мгла на старые ступени», что критика Советского Союза присутствует, но без излишней драматизации. Жили тогда так – чего теперь укорять прошлое за минувшее.

Былое для каждого человека – священно. При имеющихся сходных моментах, оно остаётся уникальным. Рассказать о том нужно – никто другой так не сможет поведать. Чудаков повествует по мере сил. Ровной сюжетной линии у него не получается. Стиль его изложения – сообщить читателю максимум полезной информации. Причём не вся она воспринимается нужной. Часть текста достойна публикации в энциклопедиях. В произведении Чудакова она воспринимается неотъемлемым элементом отражения эрудиции деда главного героя.

О чём не писали классики, то восстанавливается по воспоминаниям. Помимо деда источником такого рода информации стала бабушка, имевшая представление о жизни высшего света. Она рассказа о правилах этикета. Это другая сторона прошлого, о чём дед не пытался размышлять. Для деда важней оказалась практическая сторона жизни, вроде ловли льва в Сахаре или игры в слова, что может пригодиться подрастающему поколению в жизни. Читателю любопытно и смешно окунаться в чужое прошлое, словно оно касалось многих и мало кого касалось на самом деле.

Со смерти деда повествование начинается, чтобы деда вспоминать до последней страницы, когда более нечего о нём будет рассказывать. Дед стал кумиром для главного героя, оставаясь им до его собственной смерти, если под главным героем понимать непосредственно автора повествования. Деда нельзя было не любить – и нельзя деда забыть, настолько сильным оказалось его влияние. Именно касательно деда повествование выглядит ровным, тогда как в прочих случаях принимает вид рассказов.

Основное место действия – поселение для ссыльных. Туда приезжали разные люди – о таких всегда есть о чём рассказать. Чудакову удавалось их описывать. Один минус у всех таких персонажей – они с изрядной долей дефектов, возводимых автором в абсолютное их отличие от остальных. Порою не верится, что люди могли быть настолько особенными, не имея при этом явных психических нарушений, либо Чудаков не доводил повествование о них до конца, оправдываясь, что люди приходили неожиданно и так же спешно исчезали. Впрочем, один раз он привёл в доказательство подтверждённое психическое расстройство, доведя его до внимания читателя так, будто осуждению подвергся здоровый человек, не правильно оценённый обществом за его отличие от всех остальных.

Всему приходит конец: как событиям, так и людям. В былом есть повод найти вдохновение, лишь бы былое не служило примером для будущего. А как же извлечение уроков? Было бы кому их грамотно доводить до сведения учеников!

2012 Андрей Дмитриев «Крестьянин и тинейджер» (2012)

Продукция на экспорт должна соответствовать ожиданию заграничного покупателя. Что люди знают о России? Вот примерно всё то они смогут найти в произведении Андрея Дмитриева «Крестьянин и тинейджер». Одно расстроит покупателя, не найдёт он в книге упоминания о медведях. Останется ему предполагать, будто дикая живность мигрировала в благоприятные для проживания соседние государства, подальше от суровых реалий российской природы. Остались жить на исконных землях лишь люди русские, горя не знающие, ибо не подозревают, насколько их положение можно считать горестным. Вот на нём-то Андрей Дмитриев беспрестанно акцентирует читательское внимание. Сразу становится ясно – продукция на экспорт. Иначе, зачем автору было говорить в отрицательном тоне о том, что скорее следует считать положительной чертой открытых миру душевных глубин?

Главного героя произведения зовут Герасимом. Это старинное греческое мужское имя некогда означало старшего, чтимого и уважаемого человека. Ныне же Герасима для краткости называют Герой, а порой и Герычем. Намекая на женственность в первом случае, во втором – на сходное обиходное название наркотического вещества. Всё так. Чтить в наше время осталось женоподобие и пристрастие к дурману. Другое в людях не рассматривается. Какой может быть разговор о внутреннем стержне? Когда разглядеть в человеке получается одну шляпку от гвоздя, наблюдаемую пониже спины.

Читатель сам разберётся в особенностях жизни главного героя. Поймёт, почему он прогуливал школу, по какой причине его отчислили из института, вследствие чего он оказался в глухой деревне, как там заново себя переосмысливал и почему в итоге согласился стать частью шведской семьи. Разбираться детально нет надобности – повествование прозрачно, в меру логично и в очередной раз приводит к мысли, что всё в мире возможно, люди идут по разным дорогам и вполне могут существовать такие индивидуумы, как представленный Дмитриевым персонаж.

Портит произведение неравномерное повествование. Андрей не рассказывает одну историю, он наполняет сюжет возвращениями к прошлому действующих лиц. Становится известно об отношениях главного героя с девушкой, о мытарствах его семьи, также читатель понимает, как тяжело жить людям в деревне от того, что они не понимают нужды себе подобных и не умеют вести подсобное хозяйство, в том числе и не представляют, каким образом следует содержать животных. Нет в «Крестьянине и тинейджере» крестьян и тинейджеров, вместо них стереотипы о крестьянах и тинейджерах – это тоже портит произведение. Ожидаемого преображения действующих лиц не происходит. Городские и деревенские жители не стремятся придти к компромиссу. Все продолжают жить теми же устремлениями, какими они жили до начала повествования и продолжат ими жить после. И это тоже портит произведение.

Вернёмся к первому абзацу. Произведение «Крестьянин и тинейджер» соответствует требованиям покупателя. Разве могут после такого утверждения звучать порицающие слова? О чём бы автор не говорил – он старался ради читателя. Важнее мнения читателя для писателя нет ничего, если он желает продавать свой труд. И если продажи пока не радуют, значит произведение не вышло за пределы страны, не получило должного общественного внимания и не удостоилось зарубежных премий. Всё это где-то там впереди. Либо причина в ином: заграничный покупатель не верит в представленную Дмитриевым Россию. Возникает вопрос – почему? Не было медведей, борща и таинственной русской души. Вместо этого суть свелась к традиционным европейским ценностям, какие имеют место быть в глухих уголках Европы. И даже там, случается, уж если не медведь, то белка-то забежит.

2013 Андрей Волос «Возвращение в Панджруд» (2013)

Жизнь прожить, чтобы о тебе через тысячу лет написал Андрей Волос? Или жизнь прожить, чтобы тебя помнили и любили, а прочие пытались понять, как трудно было становиться на ноги в государстве, продолжавшем ощущать тягость влияния арабского завоевания? Человек о том не думает. Пусть напишет Андрей Волос, или арабы угнетают твою страну, жизнь от этого другой не станет. Рудаки думал об ином, что способен понять ценитель его стихов. Пониманию прочих то будет недоступно. Можно усвоить лирику Рудаки, но осознать истинную сторону его бытия не получится. Он стал первым, кто решил творить на персидском языке вновь. И за эту его храбрость помнят и любят.

Главным героем произведения «Возвращение в Панджруд» является царь поэтов Рудаки. За плечами прожитые годы, впереди дорога в родные края. Он ослеплён и изгнан, свет померк вместе с блеском его собственного могущества. Некогда создатель популярных стихов, ныне униженный и брошенный на поругание старик. Его поручили довести шестнадцатилетнему парню – за ним будет следовать Рудаки. Что поймёт читатель из предложенного вниманию текста? Практически ничего. Будут разговоры о поэзии и ряд событий, но мусульманской Персии и истинной сущности Рудаки не будет. В подобие Панджруда мог идти кто угодно, только не царь поэтов.

Нет мудрости в речах главного героя. Волос с первых страниц предупредил – не стоит искать исторически верные моменты, значит не встретит читатель в произведении и самого Рудаки. Ослеплённый поэт бредёт в беспросветной тьме, встречает восхваляющих его людей, гневается на гревшихся под лучами славы его имени. Лишь это хорошо усвоит читатель, так и не узнав, кто именно был перед ним. Рудаки мыслил при жизни о том, о чём герой Волоса ни разу не задумался.

Дальняя дорога – отличная возможность вспомнить прошлое. Опять же, чьё прошлое вспоминает Волос? Некоего поэта, чей блеск угас. В этом блеске если и были примечательные моменты, то читатель их не увидит. Описательная часть значительно пострадала от авторского участия. Представленный на страницах, главный герой оказался вне времени и пространства. Он сталкивается с обстоятельствами, которым рано было случаться. Беллетристика не требует точного соответствия описываемому, что, с одной стороны, облегчает работу писателю, с другой – вводит в заблуждение читателя.

Новых открытий «Возвращение в Панджруд» не сделает. Возможно, Андрей Волос вкладывал в содержание аллегорию на его личную современность. Если так, то надо знать предмет глубже, нежели иметь о нём общую осведомлённость. Рудаки на страницах живёт не средневековой жизнью, он приравнен автором к создателю шлягеров. И когда разрушается стена, тогда в услугах Рудаки общество перестаёт нуждаться. Он пел для услады иных властителей, чего новая власть ему простить не могла. Став жертвой перемены политических вкусов, Рудаки словно ослеп, но для ясности – был лишён зрения физически. Такой царь поэтов мало соответствует действительности, ибо петь он предпочитал о любви и угаснувшей молодости, чем не мог кому-либо навредить.

Читатель понимает, главному герою некуда возвращаться. Куда он идёт, там ничего не осталось. Думал ли об этом Рудаки? Волос точных представлений о том не сообщил. Иные думы в голове. Важнее для сюжета оказались другие действующие лица, чьи судьбы переплелись со странствием ослеплённого поэта. Видеть Рудаки не мог, значит следовало сконцентрироваться на словах. Но и словам требуется придавать видимость, а не создавать видимость, наполняющим содержание произведения, словам. Нельзя строго судить «Возвращение в Панджруд» – это роман-фантазия Андрея Волоса.

2014 Владимир Шаров «Возвращение в Египет» (2013)

У бедных содержанием людей нет своей судьбы. Им приходится жить чужими думами. Они стремятся к осуществлению кем-то уже достигнутого или заново пережить никак не связанную с ними жизнь. Зачем это людям? Только из-за бедности их содержания. Ещё беднее то выглядит в попытках писателей дать представление о собратьях по перу, выставляя их замыслы на обозрение читателя. Чего не осуществили сами – на то толкают придуманных персонажей. Главный герой эпистолярного романа Владимира Шарова взялся за переосмысление творчества Николая Гоголя, воссоздав содержание второго тома «Мёртвых душ», заново измыслив оставшуюся в задумках последующую третью часть. По воле автора героя зовут Николаем Гоголем, он – ещё одна жертва советского режима.

Как ранее переписывались люди? Они передавали друг другу многостраничные послания. Это было больше, нежели обмен сообщениями. Потому потомки с удовольствием погружаются в чтение тех писем. Думается, жители Советского Союза оставались верными прошлому, отправляя на нескольких листах выжимку из эмоций, увязанную с переживаниями за происходящее с ними в определённый момент. Ныне переписка выглядит иначе, точнее – она превратилась в обмен короткими сообщениями. Собственно, действующие лица произведения Шарова редко прибегают к словословию, заменяя его немного расширенными телеграммами. Поток их дум стремителен, но всё-таки остаётся зацикленным на одном и том же, словно всё их существование – плач по утраченному величию предка.

Привязывать одно к другому допустимо в различных сочетаниях. Исход евреев из Египта, прочие исторические события – легко увязываются, стоит задаться такой целью. Увидеть в работах Гоголя отражение трудов иных писателей – ещё проще. Читатель лишён интерактивности, поэтому обязан принять единственную точку зрения на происходящее. Достаточно сказать: – Позвольте! Зачем ослу уши, лапы и хвост зайца? Разве нельзя обойтись без пополнения бестиария очередным составным существом? Коли взялся поделиться задумкой «Мёртвых душ», то пиши «Мёртвые души». Не надо проводить параллели с «Божественной комедией» Данте, ибо получится не оригинальная работа русского классика, а произведение по мотивам где-то уже использованных мотивов.

У Шарова нет «Мёртвых душ», есть Николай Гоголь с собственной оригинальной судьбой. Это единственная важная деталь «Возвращения в Египет». Перед читателем проходит жизнь человека, зачатого где-то в начале XX века и умершего где-то в конце того же века. Он испил горечь репрессий, неся в душе груз решения оторванной от реальности проблемы. Всюду, куда ему не приходилось идти, ему встречались отсылки к творчеству полного тёзки. О том он без устали говорит в переписке, не подозревая, что все послания попадут в архив, откуда их изымет для собственных нужд Владимир Шаров или его альтер-эго, с последующей публикацией для нас с вами.

«Возвращение в Египет» нельзя считать критикой Советского Союза. Скорее это гимн тем, кто умел жить и не обращать внимание на представленные ему для существования условия. Николай Гоголь Владимира Шарова поднимал хозяйство, улучшал быт людей и со своей стороны вёл страну к процветанию. Случайно читателю становится известным более общеизвестного – тайные мысли, нашедшие отражение в переписке с родственниками. Человеку требуется заниматься отличным от повседневности делом – для главного героя таковым стало увлечение наследием того, кто в сонме боковых линий считался его собственным предком. Поскольку мысли человека хаотичны и постоянно претерпевают изменения, читателю осталось проследить за их эволюцией. Да не живёт человек единой мыслью, имея множество иных, порою становящихся важнее – это разительное отличие от действительности и выдаёт искусственность в представленной Шаровым переписке.

2015 Александр Снегирёв «Вера» (2015)

Разве женщина может быть тряпкой? Александр Снегирёв считает именно так. Главная героиня его произведения «Вера» постоянно унижается окружением и особого дискомфорта от этого не испытывает. Ей необходимо как-то жить, отчего она готова терпеть любые издевательства, сама же им потворствуя. Читателя обязательно должно подташнивать во время ознакомления с данной книгой, поскольку рвотный рефлекс всегда возникает, если человеку предлагается нечто тошнотворное. И мутить может много от чего. Хорошо то, что автор не сильно старался перегибать палку с извращениями.

Повёрнутых на чём-то людей полно – так думаешь, когда в твои руки попадает современная беллетристика или ты смотришь телевизор. Удивительно, ничего подобного в жизни человека при этом не происходит. Откуда тогда такое засилье замороченных? Может писателю хочется отразить на страницах произведения сразу всё, дабы читатель в очередной раз убедился в беспросветности жизни? Коли другим плохо, а мне хорошо, то отчего не порадоваться за себя, взгрустнув печальной участи выдуманных персонажей?

Проблема в том и заключается – человека окружает кем-то выдуманный мир. Реальность в нём очевидна, но при этом она настолько скучна, что требуется наличие экстраординарного. Вот и главная героиня «Веры» рождена при неблагоприятных обстоятельствах, при них же выросла и с ними продолжает жить дальше. Она уж точно ничего не придумала – для неё реальность такова, какой её принято воспринимать искателями редких проявлений продуктивности воспалённого ума.

Снегирёв потворствует желаниям читателя, вследствие чего у него получился продукт потребного массам качества. А массы любят сходить с ума от лишённой моральных предрассудков продукции. Будут в сюжете фетишисты всех мастей – значит автор в тренде. Ныне принято унижать женщин в культуре, да и сами женщины рады унижаться, хотя это не является реальным отражением действительности. Однако для середины первого десятилетия XXI века данное явление является трендом. Главной героине остаётся это принимать без возражений – не ей спорить с точкой зрения писателя, давшего ей возможность существовать хотя бы на страницах его произведения.

Впрочем, повествование начинается задолго до рождения главной героини. Снегирёв умеет интриговать, строя предпосылки для развития сюжета издалека. Читатель подробно узнает о родителях Веры, особенностях её появления на свет и тяжёлого детства. Далее всё только усугубляется. Тут большая часть зависела уже от желания автора направить её жизнь по пути прозябания в пустоте. Это и жизнью-то не назовёшь – главная героиня лишь существует. И хорошо, что существует она только на бумаге.

Каждый шаг на страницах книги – это насилие над понимаем значения индивидуума для общества. Психически здоровых в сюжете читатель на найдёт. Все действующие лица имеют отклонения. Причём отклонения касаются сугубо психических расстройств. Снегирёв это обставляет пониманием нормального хода вещей. Ведь не может начальник быть самым обыкновенным человеком, дожидающимся конца рабочего дня и отправляющимся домой к жене и детям – он обязан быть извращенцем. Не может любовник банально любить – у него должно быть с головой не в порядке.

Всю книгу читателя не покидает ощущение, будто главная героиня самостоятельно анализирует прожитые годы, применяя для этого изрядную долю фантазии. А может и не было ничего, она всего лишь фантазирует в настоящий момент. Читатель сам решит – верить ему или наконец-то пойти дать волю разбушевавшимся стенкам желудка.

Удручает другое – литература сама себя уничтожает, всё более погружаясь в художественность вымысла ради вымысла.

2016 Пётр Алешковский «Крепость» (2015)

Археологи отвергают необходимость создавать историю, предпочитая сохранять дошедшее до них. Их позиция понятна – в силу специфики профессии им нет нужды думать о будущем. На месте старых поселений всегда возводились новые, теперь же такое воспринимается попранием памяти. У истории никогда не будет прошлого: всегда будут существовать только домыслы. Предположения современных археологов останутся предположениями, порождая череду идей от последующих поколений. Правда навсегда останется скрытой в веках. Силу имеют летописные источники, но и они полнятся предвзятостью, некогда кому-то выгодной.

Подходить к чтению произведения Петра Алешковского «Крепость» нужно с осознанием, что автор предлагает набор историй, увязанных под одной обложкой. У читателя обязательно сложится мнение, будто Алешковский хотел написать исторический роман, но так и не сумел довести ни один из сюжетов до требуемого объёма. Спасением стало написание книги о честном археологе, который болеет за своё дело и не умеет находить общий язык с людьми, предпочитая отдаваться сугубо ему понятным устремлениям, имея целью желание сохранить развалины в имеющемся виде.

Главного героя не понимают на работе, даже близкие люди имеют склонность снисходить до уничижительных оскорблений. А ведь он хочет быть полезным, чтобы помочь людям разобраться в понимании прошлого. Сам герой сетует на новгородцев, умело откупавшихся от всех завоевателей, покуда московские князья не нашли на них управу. А что происходит сейчас? Деньги в приоритете: с их помощью улучшаются условия жизни, вплоть до выплаты зарплат археологам. Истина в том и заключается, что всё должно себя обеспечивать самостоятельно, иначе оно не имеет права на существование. Главный герой этого понимать не желает, предпочитая уповать на благоразумие и общественное осуждения для считающих иначе.

Алешковский разбавляет археологические будни историческими вставками, преподнося их под видом беллетризации прошлого. На страницах «Крепости» оживают события времён монгольских завоеваний и междоусобных войн. Читатель принимает участие в ханских походах, чаще наблюдая за передвижениями по местности к определённой конечной цели. Сюжетных особенностей при этом не происходит. Алешковский не сообщает желаемого, скорее отображая ему известные факты тех дней, отягощая повествование излишними описательными моментами. Подобные вставки больше придутся по душе юношеской аудитории, если бы «Крепость» подавалась именно в духе приключений, а не под видом попытки доказать постоянство человеческих желаний обогатиться.

Исторические вставки могут иметь собственное значение при должном желании обосновать то или иное включение в повествование. Они скорее дополняют текст, придавая «Крепости» объём. Алешковский более озадачен удручающим положением археологии, нуждающейся в субсидировании. Петру обидно за низкие зарплаты и за остальные аспекты, не позволяющие археологам чувствовать себя полноценными, когда они действительно трудятся согласно призванию. От этого и проистекают все те неурядицы, не позволяющие главному герою работать с полной отдачей. Алешковский его ставит перед пропастью, лишая опоры и толкая вперёд, обрекая на самый печальный из исходов, словно ставя крест на археологии вообще.

В России любят возводить потёмкинские деревни. И людям на краткий миг становится легче. Пусть всё потом будет разрушено едва ли не моментально. Тогда останется жить воспоминаниями. Алешковский предлагает не обманывать себя и не надеяться на улучшение имеющихся условий, в том числе и не тратить время на возведение иллюзий благополучия. Не требуется преображать разрушенное, нет нужды придавать лоск остову, можно обойтись без крыши над головой. Нужно иметь чистую душу и пламенное сердце – это морально возвысит и очистит

кровь. И, само собой, не забыть про пряники на чёрный день для поддержания нужд телесной оболочки.

2017 Александра Николаенко «Убить Бобрыкина» (2015)

Лепет юродивых истину никогда не отражал. Он давал представление о мысли из тёмных закоулков подсознания сошедших с ума людей, чем позволял писателям будто бы открывать глаза на очевидность. Главный герой из произведения Александры Николаенко высокими материями не мыслит, он просто страдает от неспособности принять действительность, вследствие чего постоянно желает залезть в петлю, либо убить кого-то из ближайшего окружения, хоть соседа по подъезду, хоть собственную мать. Дабы понять мотивацию его мышления, нужно быть похожим на него. Но тогда будет ещё труднее разобраться в совершаемых им поступках, ибо он сам не способен адекватно воспринимать происходящее. Почему же Александра взялась представить внутренний мир подобного человека?

А дело в том, что главный герой всем безразличен. Он служит только в качестве объекта для издевательств. Мать морально над ним потешается, прочие не считают зазорным унизить физически. Мудрено ли, создаваемый на страницах персонаж стремится купить в хозяйственном магазине мыло и верёвку, дабы скорее повеситься. Данная идея вскоре сходит на нет, ведь главный герой быстро переключается. Пять минут назад он пытался повеситься, вот уже представляет план убийства соседа, а вот ему мнится воткнутый в бок матери нож. Диагноз кажется очевидным – шизофрения.

И не скажешь, чтобы главный герой любил кого-то, пусть даже самого себя. Не представляет интереса следить за происходящей внутри его головы драмой. Он оказывается зацикленным на определённых представлениях, никак не желая с ними расставаться. Александра могла предложить читателю некое социальное значение представляемого ею поведения. Даже могла разработать философию, в позитивном ключе отразив обыденность таких людей. Ничего этого за автором не отмечено. Есть действующее лицо, оно желает исполнения определённого замысла, более ничего ему не надо.

Чем глубже Александра погружалась в описываемое, тем меньше слов после мог усвоить читатель. Связь содержания распадается на составляющие, будто бы никак не связанные друг с другом. Общая картина оставалась неизменной, но словно представленная отличной от той, где прописаны исходные данные о главном герое и воображаемые мысли о должном быть совершённом убийстве. На выходе – намазанный толстым слоем мрак, в котором, как ни пытайся всмотреться, разглядеть ничего не сможешь.

Стоит говорить об авторской манере повествования. Изначально придуманное действие моментально исчерпывает отведённый ему ресурс, заменяясь стремлением Александры дорисовать обстоятельства, тогда как требовалось развивать событийность, вместо чего читатель вынужден проникать глубже в миропонимание главного героя. Только зачем желать понять человека, поставившего перед собой ряд задач, считаемые им обязательными к исполнению? Объяснение его порядка мыслей, в любом случае, будет трактоваться через данное ему автором заболевание.

Портит произведение Александры её желание очернять действительность, пользуясь представившимся случаем. Уж где-где, а в книге про психически неполноценного члена общества кажется лишним встречать унижение власти и сетование на плохие условия жизни. Получается, проблемы объясняются желанием трактовать их с больной головы на здоровую. Во всём виноват кто-то там наверху, а не конечный потребитель сообщаемых вертикалью услуг. Так может думать главный герой произведения, представленный душевно больным человеком: да ему то никогда не будет интересно.

В стране могут быть плохие дороги, низкая заработная плата, удручающее образование и многое прочее. Об этом всегда думает адекватный человек, желающий существовать в здоровом социуме. У Александры главный герой желает убить себя, соседа или мать, а то и всех

вместе, потому он погружается в мир собственных страстей, отключившись от всех внешних воздействий. Но сам автор психически здоров, он желает говорить на злободневные темы, каким бы по содержанию не являлось его произведение.

2018 премия не вручалась

Национальный бестселлер

О премии

Премия «Национальный бестселлер» предлагает писателям проснуться знаменитыми, а читателям – иметь приятное знакомство со ставшими именитыми деятелями от литературы. Так в идеале. На деле всё много хуже. Родившийся в 2001 году, «Национальный бестселлер» сделал выбор в пользу мнимой художественности, определяя в качестве лауреатов авторов, описывавших не совсем действительную реальность, чаще основанную на домыслах. Оспаривать подобный подход к изложению никто не станет, учитывая издревле существовавшую необходимость отделять жизнь настоящую от описываемой сочинителями. Но «Национальный бестселлер» старался не уступать выбору произведений из заранее определённых в должные считаться его лауреатами. Поэтому нужно всё взвесить, прежде чем довериться мнению. Второе десятилетие существования премии усугубило тенденцию к иллюзорному, а не к действительному.

Исключения всегда существуют. Если они происходили, в дальнейшем принималось решение подобного не допускать. Так было решено отказать биографиям в праве считаться достойными быть даже номинированными. Стоило получить премию известному писателю, как усиливался крен в сторону необходимости позаботиться о новых именах. Так оказался действенным слоган «Проснуться знаменитым». Только насколько писатели оказывались способными пожать славу? Практически никак. Они уходили в тень, либо творили в прежнем духе, который и до того никого из читателей не воодушевлял на продолжение знакомства. И всё же снова случались исключения, так как «Национальный бестселлер» объединён общим духом, но стремящимся придерживаться своеобразной культурной элитарности.

«Национальный бестселлер» не представляет интересы писателей и читателей, он формирует мнение приглашённых деятелей от культуры. Каждый год жюри выбирается заново. В его состав могут входить актёры, художники, искусствоведы, журналисты, музыканты, кинорежиссёры, певцы и многие прочие, кто необязательно является активным писателем или читателем. Из этого следует, что «Национальный бестселлер» в качестве именно литературной премии считать нельзя, скорее это узкопрофильный выбор ряда лиц от культуры, обязавшихся выбрать лучшую книгу прошедшего календарного года, согласно их внутреннему ощущению. В жюри приглашают в том числе и писателей, чаще выступающих на равных с другими, ещё чаще те писатели сами прежде оказывались лауреатами «Национального бестселлера»: получается замкнутый круг, из которого премия не может вырваться.

Обязательным условием выбора лауреата является его личное присутствие (или его представителя) на церемонии оглашения результатов. То есть «Национальный бестселлер» так и не сумел преодолеть слабое к нему внимание со стороны читающей публики. Требуется создавать определённые рамки, которых все должны придерживаться. Оттого и название премии выбрано наиболее громко звучащим, хотя ничего и не обозначающим. Произведение-лауреат не обязано хорошо продаваться до вручения премии, ему скорее всего не суждено лучше продаваться и после. Видимо, не из простых побуждений чаще обычного название сокращают до «Нацбеста» – совершенно нейтрального для читателя.

Интересной особенностью «Национального бестселлера» является распределение денежной награды – определённая её часть достаётся человеку, выдвинувшему произведение на соискание. Это побуждает предлагать лучшее из возможного, вместе с тем и отражает первоначальную заинтересованность. Но и, как прежде, снова замыкает круг, побуждая жюри отме-

тить премией заранее сформированный список, всё тех же писателей, тяготеющих к вымещению действительности иллюзорным восприятием.

Всё-таки, как читателю относиться к «Нацбесту»? Это действительно премия, определяющая направление в литературе? Она способна помочь выбрать для чтения действительно важные художественные произведения? Отнюдь! Значимости произведения лауреатов практически не имеют (за исключением трёх). Скорее следует говорить о домысливании обыденности. Писатели специально искажают реальность, показывая фантазийность текущего дня, где больше вымысла, нежели мельчайшего намёка на правду.

2001 Леонид Юзефович «Князь ветра» (2000)

Крестьяне без земли – князья ветра. Вольные страны без независимости – княжества пустых ожиданий. Однажды, когда Китай находился на пороге отказа от тысячелетних традиций, своё слово сказала Монголия, пойдя по пути обретения самостоятельности от государства, некогда ставшего её же частью. Иное время сломало людей, изменив их мировоззрение, дав миру вместо воинственно настроенных поработителей – стремящихся к обретению мира людей. Дабы закрепить право на собственное мнение, один из монголов решил заключить сделку с дьяволом, для чего сперва ему требовалось принять христианство. И его убили. Кто и зачем это сделал? Леонид Юзефович пытался в том разобраться.

Стиль повествования привычный. Берётся некий источник и передаётся далее своими словами. Изначально «Князь ветра» переполнен фактами и особенностями монгольского понимания жизни. Даётся представление, как получается отстаивать точку зрению, не имея желания за неё держаться. Всё должно происходить своим чередом, чему не надо помогать или противодействовать. Пример Монголии – яркое тому доказательство. Ничего не делая, монголы добились независимости. Этому суждено было случиться, поэтому дополнительных размышлений не требуется.

«Князь ветра» оказался наполненным байками о монголах разных периодов их существования, разбавленными бытом ряда личностей младого советского государства. Читатель вскоре поймёт, исторический фон служит приманкой для другой истории, должной стать интересной, но оной не являющейся. Разбираться с загадочными обстоятельствами лучше не рассуждениями обо всём на свете, до чего дотянулись руки, а разбираться конкретно и по существу, чётко обозначая ход мысли и подводя к тому выводу, который и будет в итоге сделан автором.

Леонид не стал проявлять заботу о внимающих его рассказу. Он делился занимательными случаями, создавая впечатление уникального труда. В самом деле, где ещё так много узнаешь о монголах, если о том узнавать никогда прежде не стремился. Увидишь нерадивых людей, забывших об адекватном восприятии реальности. Монголы у Юзефовича склонны к бравированию, но трусливы до невозможности, они сбегают с поля боя, предпочитают постоянно молиться и окропляют оружие водой, нисколько не волнуясь за последствия. Кроме того, монголы не выполняют приказы, находя для того важные отговорки. Допустим, в их календаре может энное количество раз повторяться одно число, лишь бы оно не было тем, на которое назначено мероприятие.

И всё же, чему более следует уделить внимание при знакомстве с «Князем ветра»? Неужели та история с убийством монгола, принимавшим христианство, достойна столь широкого освещения? Леонида почему-то не смущается тот факт, что монголы знали о христианстве с давних пор, даже когда их взоры не устремлялись в сторону Европы. То и не имеет значения, как и многое из представленного на страницах. Читатель помнит – перед ним авантюрный роман, рассказывающий о событиях, которые могли быть, но случились только в воображении сочинившего их писателя.

Отклонившись от темы, Леонид снова возвращался к особенностям монгольского восприятия жизни. Произведение превратилось в набор любопытных фактов, в полезности которых каждый раз сомневаешься. Даже если всему в истории отведено именно это, остаётся утрировать и не придавать большого значения. Чем дальше от понимания читателя, тем автору лучше: меньше критики он встретит, чаще получая хвалебные отзывы благодарных за сделанные для них открытия.

Станет ли Монголия восприниматься иначе после знакомства с «Князем ветра»? А как она вообще воспринимается и задумывается ли кто-нибудь о нуждах современных ему монго-

лов? Всему внимание не уделишь, остаётся верить беллетристам. Хорошо, если они не обманули, рассказав о приближенных к правде реалиях.

2002 Александр Проханов «Господин Гексоген» (2002)

Всё в руках сильных мира сего, чья серая окраска не позволяет определить, кому выражать благодарность или неудовлетворение за происходящее. Александр Проханов предложил считать ответственными силовые структуры, лучше знающие, каким должно быть представляющее их интересы государство. Но обстоятельства не позволяют контролировать желаемое – повседневность спешно разрушается, лишая надежд на благополучие в будущем. Распавшийся Советский Союз едва не обернулся крахом, не окажись среди его населявших людей деятельных специалистов, решивших восстановить попранное. Их опыта хватит, чтобы сменить власть имущих на им нужных лиц. Сперва они поменяют прокурора, после премьера и в окончании поставят на руководство избранного лично ими президента. Если потребуется взрывать и хладнокровно убивать – так тому и быть.

Романтизм профессии накладывает отпечаток на характер. Почему наёмник любит уничтожать? Он просто собирает бабочек, предпочитающих места случившихся зачисток. Нет лучшего времени для их сбора, нежели пока дымится воронка. С ума сойти от такого профессионализма не получится, радуясь исполнению поручаемых обязанностей, позволяющих добывать требуемые виды крылатых созданий. Более того, интерес к бабочкам проявляют все, из-за чего коллекция становится весомым аргументом в беседах с высокими чинами.

Нет, наёмниками таких людей нельзя называть. Они служат Отечеству, выполняя задания и принося пользу. Винить тут стоит Проханова, часто забывающего, о чём он собственно рассказывает. Видеть на страницах сперва ловлю насекомых, чтобы в последующем серьёзно воспринимать едва ли не религиозную составляющую силовых структур, подводя всё в итоге к идеям Фёдорова о бессмертии: затруднительный и тягомотный процесс. Не хочется обвинять Александра в стремлении заполнять белые листы буквами, но как иначе можно охарактеризовать расползание картинки на никак не связанные фрагменты?

Главное, что следует знать читателю, так это основной сюжет, написанный в духе иностранных произведений, где всё происходит будто бы в действительности, но ничего кроме антуража тому не соответствует. События разворачиваются в России, гремят взрывы, у власти старый президент, ему потворствует слабовольный премьер. Тут же становится известно о чеченских событиях, как руководство страны предало солдат, не дав им дожать противника. Нельзя было продолжать это терпеть, поэтому группа людей решила устроить «мирный» переворот, без объявления намерений заменить ключевые фигуры государства. Немудрено осознавать, как на место старого президента будет метить бывший разведчик, уже тем создавая иллюзию правдоподобно написанного произведения.

Требовалось обосновать, зачем отдалять развал страны. Не вчерашний режим её убивал, а действующий, значит убивать её примется и следующий. И не совсем ясно, кто поставит финальную точку в мучениях государства, продолжающего здравствовать вне зависимости от возводимых против его существования преград. Операция по смене власти – это шаг к объединению планеты под властью наиболее разумных представителей человечества. Не существует плохих людей, ежели Проханов предложил их всех возродить. Он готов дать право на существование каждому, какими бы деяниями тот себя не замарал. Всем найдётся место во Вселенной! Осталось понять: зачем?

Финишной ленточкой «Господина Гексогена» значится мысль расселить всё прежде жившее и ныне живущее человечество по всем планетам в космосе. Отчего-то не задумывается автор, какими проблемами это будет грозить. Каждый фантаст знает: уже второе поколение сыновей-марсиан возненавидит отцов-землян, объявит им войну на уничтожение, добиваясь независимости, чтобы в последующем навсегда оставаться смертельными врагами, ибо обособление в крови у человека. На уровне примитива такое положение выражается отделением

одной пещеры древних людей от другой, поскольку не может одновременно существовать единого для всех мнения. А вот у Проханова действующие лица живут одной идей, осуществляют её и вроде как обретают искомое счастье. Читатель знает, далее последует новая борьба интересов, о чём Александр уже не написал.

2003 Александр Гаррос, Алексей Евдокимов «Головоломка» (2001)

Голову ломать, как и хэнд крашить, занятие, способное заинтересовать особенно трепетные натуры, чья тяга к литературному творчеству разбивается о непонимание читателя, не готового внимать всему на свете, мало имеющему отношение к его обыденности. Внимать потоку порнографии со страниц произведений, ещё и хвалить его – скорее тянет на склонность к явным нарушениям с психикой, либо стремлением восхвалять недалёкость собственной способности к умению адекватно размышлять над предлагаемой к вниманию информацией. Грубо говоря, пользуясь тюремной терминологией Гарроса и Евдокимова, писатели парафинят читателя, делая из полезного обществу человека латентного изгоя, чьё место у параши, ибо никто не сможет понять, что хорошего в любовании отбросами.

С чего-то требуется начинать. Гаррос и Евдокимов взяли для них близкую тему – будни латвийских периодических изданий. На страницах показывается ход жизни местного колумниста. Этот товарищ, согласно должности, обязан вести колонку в газете. Ведёт ли он её – не имеет особого значения. Как перестаёт интересовать всё дальше происходящее, не несущее ничего, к чему может потянуться читатель. За нескончаемым потоком мата и порнографических сцен не получится разглядеть сюжетную канву. Не хэнд крашили ли авторы, измышляя, каким образом им продолжать повествование?

Пиши и у тебя всё получится: гласит заповедь определённой категории писателей. У тебя получится и тебе дадут премию: убеждение работать над произведением возрастает многократно. Чем больше в тексте провокаций, тем скорее о тебе заговорят: всегда работающее правило. Забудь о будущем, не предполагай, через какое количество лет твоё имя будет вымарано из памяти: просто пиши, получая долю внимания здесь и сейчас. Таковы закономерности литературы переходного периода, закрывающего разноплановость XX века полным уходом в дремучие дебри подсознания XXI века. Пусть потомки ломают голову, каким образом читатель мог внимать столь низкому качеству фантазии писателей прошлого. Впрочем, знать бы, до каких низменностей опустится читатель завтрашнего дня, коли не сумеет отказаться от развратных помыслов предыдущих поколений.

Если смотреть с позиции полезности, тогда «Головоломку» следует ценить за некоторое исследование жизни тюремных заключённых. Они живут иными понятиями, представляя действительность в угодном им виде. Есть там изгои, а есть и пользующиеся их услугами. Ежели соотносить творчество Гарроса и Евдокимова по отношению к читателю, то само собой получается, как уже было прежде сказано, превращение полезного обществу человека в латентного изгоя. Достаточно переступить грань, полюбить подобный стиль повествования и можно уже принимать положение опущенного, чьи губы подверглись воздействию, то есть были опарафинены. Не стоит на подобные слова обижаться – выбор был сделан без настояния со стороны писателей. Они лишь предложили – читатель добровольно согласился принять.

В русском языке есть слово «галиматья», означающее чепуху и бессмыслицу. В литературе есть словосочетание «поток сознания», которое приводит галиматью в удобоваримый вид, придавая видимость смысла и устраняя обвинения в невозможности осознать содержание бессвязной речи. К сожалению, как не старайся, увидеть в «Головоломке» тот же поток сознания не получается. Пусть ломают голову авторы подобного произведения, изрекая желаемые ими нравоучения. Впрочем, надеяться на разумное осмысление не следует, лучше просто принять факт появления на свет сего литературного труда, в том числе и звание лауреата «Национального бестселлера», не стараясь озадачиться нахождением причины. То был сложный период, ставший продолжением ещё более сложного периода, сломавшего не одну человеческую душу,

вывернув наизнанку всё, до чего дотягивались руки. Будем считать, на сей почве взрастёт удобоваримая литература, лишённая оставленной во вчерашнем дне низменности.

2004 Виктор Пелевин «ДПП (НН)» (2003)

Создай идею и паразитируй на ней. Откажись от прочего, ибо у тебя есть приоритет. Хватит малого, дабы раздуть из него большее. Так и Пелевин, ничтоже сумняшеся, брал за основу нечто определённое, в дальнейшем предпочитая забыть, для чего он всё начинал. Отказавшись от мелочи, определив за важное роман «Числа» – основу сборника «ДПП (НН)», следует остановиться и задуматься, увидев стремление человека оправдывать существование за счёт надуманных причин. Пелевин тому потворствовал, пока не запутался в словах, поскольку мир состоит из чисел, но никак не из букв.

Некогда, когда не родился Сократ, когда действительность происходила от чего угодно, только не от идей, жил Пифагор, считавший себя подобием божества, видя в проявлении сущего исходное от единицы. Его мысли туманили мозг людей, считавших предположения Пифагора за истину. Теперь, спустя два с половиной тысячелетия, Пелевин взялся отразить страсти по нумерологии, наделив главного героя своего повествования психическим расстройством, связанным с желанием найти защиту у цифр. Возникает вопрос: каким образом семёрка, нарисованная на бумаге, способна защитить или оказать помощь? Истинно, такому персонажу требовалось отправиться на приём к психиатру, только время было тогда неспокойное – на дворе случились девяностые.

Само начало повествования привлекает внимание. Действительно, людям свойственно впадать в заблуждения. Каждый оправдывает существование угодным сугубо для него способом. Кто-то в самом деле ориентируется на цифры, принимая решение. Так проще жить. Если во всяком решении опираться на определённые значения, тогда не придётся раздумывать, уже тем облегчая существование. Собственно, ежели главный герой выбрал своим числом сочетание тройки и четвёрки, при этом не допуская присутствие рядом с собой сочетания четвёрки и тройки, то это его личная головная боль. Подобных ему хватает среди людей, посему осталось проследить, куда автор направит подобного персонажа.

И вот тут у Пелевина случился разлад. Продуманная идея повествования рухнула, стоило действию расшириться. Хватило бы и размера повести, вследствие чего петь песни Виктору во имя его находчивости. Однако, роман есть роман, какие домыслы не встречайся читателю в тексте. Будет и гадалка, понимающая главного героя и направляющая его в нужную сторону. Будет и девушка, такое же помешанное на числах создание. Будут и чеченцы, сугубо для антуража в виде исламских квазисект. Будут и партнёры, а также противники по бизнесу, ибо главный герой очень быстро сколотит состояние и откроет собственный банк. Пусть такой персонаж примечателен во всём, но слишком он психопатичен, отчего картинка не складывается.

Читателя перестаёт интересовать, куда главного героя выведет кривая из авторского замысла. Путей всего три, у каждого по четыре ответвления. Пойти можно по дороге успеха, падения или жить в прежнем ритме. Соответственно, исходя из этого, можно стать ещё успешнее, пасть или перестать обращать внимание на происходящее, либо переосмыслить реальность, отказавшись от прежних убеждений, обратившись к новым. Куда именно Пелевин направит главного героя, читатель может решить самостоятельно. Зачем верить автору, ежели он плавал по верхам, не стремясь углубиться? Нужно было нырять в толщу эмоций, тогда как далее внешнего созерцания погрузиться не получилось.

Конечно, Пелевин умеет играть со словами. Это у него получается мастерски. И «Санбанк», что как бы банк для нужд сантехников, он же банк, похожий на солнце. И царь Навуходоносор, преображающийся в Ухогорлоносова. Но читатель желал основательности, вместо чего получил притягивание за уши человеческих надуманностей.

2005 Михаил Шишкин «Венерин волос» (2004)

«Венерин волос» Михаила Шишкина напоминает книгу, где обложка одного автора, зачин – другого, середина повествования – третьего, концовка – четвёртого. Только у Шишкина собрано множество историй вместе, но без указания первоисточника. Читатель находит в тексте произведения анкеты швейцарских иммигрантов, видит пересказ повестей Курицына о Дракуле и Эдгара По об убийстве на улице Морг, не считая иного, о чём каждый может сложить собственное представление. Общая идея отсутствует, как и какой-либо связующий сюжет. Всё представленное на страницах – просто текст, не несущий какой-либо смысловой нагрузки.

Что можно вообще сказать о такой книге? Допустимо разобрать её на составляющие, наиболее приятные или неприятные восприятию. Искать центральную тему не следует, так как это будет означать попытку привязать недействительное к действительному. Проще обозначить «Венерин волос» книгой-тавтологией, повторяющей уже кем-то сказанное, чтобы сказать об этом ещё раз, дабы красивее звучало.

Шишкин мог вложить определённый смысл, показать желание быть услышанным, хоть и за счёт чужих мыслей. Этого не произошло. Вместо дельного, наблюдается описание бездельного. Нельзя уловить здравое, когда оного нет. В безвременном всякое вне времени. Представленные на страницах проблемы – не проблемы, а вымысел хворой фантазии. Шишкину того в упрёк не поставишь – он лишь скрепил чужое под своим именем.

Так сразу и в лоб. Стоит читателю приступить к ознакомлению, как он оказывается в окружении прежних тем. Всё те же человеческие страсти вокруг мутной воды, отправленной из сливного бачка в недра канализационных труб, сопровождаемые исторгнутым негативом. Может показаться, будто Шишкин возводил хулу на Россию, показывая её отрицательные стороны. Но не может быть хулой то, что находится в трубах желтостенного дома.

Не о России говорил Шишкин. Он рассказывал о западных ценностях, представив их со стороны отрицательного их понимания русским человеком. Разве можно очернить белое там, где белое является чёрным? Сей плевок не в душу сделан, он выпестован под нужды иного миропонимания. Обыкновенное явление для западной культуры – не есть обыденное явление для прочих. Да вот русским людям мнится, будто белое для них черно, как то мнится и самому Шишкину. Разве стоит ронять слёзы над участью подвергшихся влиянию извне, когда порывы их души направлены к этому самому вне?

Читатель продолжает путешествовать по страницам. Он переходит от анкет к другим темам. Шишкин продолжает подтверждать свою относительность к Урану. Солнце от него далеко, как бы он к нему не продолжал стремиться. Не хватает таланта к собственному сочинительству, от чего «Венерин волос» обогащается информацией сомнительной полезности. Не художественный текст порою представлен, подменяемый описанием чего-то, случайно оказавшего под рукой. Написать про тюрьму и нравы петухов? Почему бы и нет. Чем больше текста, тем пышнее литературное тесто.

Каждый сказывает, как он умеет. У Шишкина получается так, как о том поведано выше. Плохо или хорошо? Скорее плохо. Почему же не хорошо? И не может быть хорошо. Нет ничего хорошего в том, чтобы видеть хорошее в чужом хорошем. Отнюдь, не в Шишкина в хорошем. А в том, в чём Шишкин увидел хорошее, решив переложить на страницы собственных произведений. На такое мнение последует возражение – так он тем дал новую жизнь старому. Действительно, Шишкин дал жизнь старому, но не сказав, какому именно старому он даёт жизнь. Получилось, словно «Венерин волос» вполне себе самостоятельное произведение, таковым не являясь.

2006 Дмитрий Быков «Борис Пастернак» (2004)

Стараясь понять человека через его творчество, практически никогда не видишь самого человека. Тем более никогда не поймёшь человека, стараясь найти в его творчестве определяющий момент, именуемый Magnum opus. Может показаться, что для Бориса Пастернака жизнь прошла в ожидании написания «Доктора Живаго». Все мысли и поступки были направлены к единственной цели, в итоге сделавшей его имя знаменитым на весь мир. Шёл ли Пастернак именно к Нобелевской премии по литературе, или он просто жил, как живут все без исключения люди? Дмитрий Быков решил громко отразить финальный аккорд, ставший похоронным. Получилось, будто Пастернак готовился к прощальному выстрелу, о котором и будут помнить, забывая обо всём им сделанном до того.

Нужно быть объективным – девиз Дмитрия Быкова. Никаких апологий и поиска отрицательных черт – только обыденное, без украшательства и очернения. Такой настрой даёт надежду читателю познакомиться с действительно важным трудом о жизни человека. Так казалось! Быков не стал соответствовать читательским ожиданиям. Биография Пастернака сразу приняла вид апологии, то есть защитительной речи. Дмитрий посчитал необходимым объяснить, почему общество осудило востребованного поэта. На этом суде нужно оправдать обвиняемого. Для этого необходимо вспомнить все эпизоды жизни Пастернака. Привести в качестве свидетелей друзей и недругов Бориса, допуская их присутствие в виде документальных свидетельств и слухов о них.

На страницах биографии друг за другом появляются поэты периода становления Советского государства. Среди них Блок, Мандельдештам, Маяковский и Цветаева. Пастернак во время их «показаний» отступает за пределы произведения о себе. Быков, говоря про данных поэтов, забывает, о ком он взялся рассказывать изначально. Дмитрий видимо думал, якобы так лучше будет понятен сам Пастернак. Но вместо портрета определённого человека, на страницах биографии калейдоскоп человеческих судеб, раскрытых словно в преддверии аналогичных апологий уже о них. Свидетельствующие поэты подвергаются осуждению и тут же оправдываются, когда Быков наконец-то заключал, какой им на долю выпал временной отрезок.

Быков не стал приглашать на «судебное заседание» семью Пастернака. Его жёны и дети не удостоились права высказать собственное о нём мнение. Личная жизнь Бориса протекала без потрясений и катастроф бытового характера, уступив место проблемам общественного уровня. Пастернак и государство, либо общество – наиважнейшая тема для Быкова, представляющая для него действительный интерес. Зачем говорить о самом важном в жизни человека, если главным считается разговор об адюльтерах и амбициозных замыслах? Писатель живёт творчеством и восприятием творчества читателями – такое складывается впечатление, если довериться предлагаемой точке зрения Быкова.

Допустимо ли считать произведение «Борис Пастернак» биографией? Быков строит повествование не со стороны объективной оценки, он переносит восприятие внутрь главного героя. Читатель видит, как Пастернак совершает действия и говорит. Получилось живое включение в некогда происходившие события. Порою кажется, что не Пастернак говорит со Сталиным, а читатель; что не Пастернак писал Сталину, а писал Быков вместе с читателем; что не Пастернак творил, а записывал подсказанное ему непосредственно Быковым. Борис стал марионеткой в руках Дмитрия – самое противное, отчего никогда не отделаются люди, удостоившиеся быть знаменитыми: они живут не своими, а придуманными для них жизнями.

Нельзя всё учесть. Обязательно имеются сведения, о которых человек не знает. Быков рассказывает так, будто бы он источник истины в последней инстанции. «Народный суд» должен поверить именно его мнению, даже без учёта иных обстоятельств, ставших известными

после завершения «заседания». Всегда допустимо вернуть «дело» на «повторное рассмотрение». Но потребуется ли это? Пастернак умер, как умерло и отвергнувшее его общество.

2007 Илья Бояшов «Путь Мури» (2007)

И пошёл человек по земле, изгнанный из рая. И шёл он, пока не пришёл до места, ставшего его домом. И жил там, покуда не пришли другие люди, подобно ему из рая изгнанные, и выгнали его. И пошёл человек по земле дальше, лишённый крова. И так шёл он, отовсюду изгоняемый, покоя нигде не находя себя. И шли так все прочие люди, его изгонявшие, ибо изгоняли и их. И пришёл человек однажды туда, где было занято, и изгнал он там до него поселившихся. Такова история человечества, кратко изложенная. А теперь внимание к кошкам, живущим ради присущих им интересов. И пошли кошки следом за людьми, не желая оставаться в одиночестве, и наводнили они мир, не находя нигде покоя. И причина того в человеке заключалась. Кто шёл за ним, обрекал себя на жалкое существование. И стало ясно всем это, и поняли все тут сказанное, ничего не изменив, продолжая заданный жизнью круг, пока не посыпались бомбы на их головы. Тогда стало ясно окончательно: отныне можно изгонять, не имея целью овладеть землёю изгнанных, ибо силён в человеке дух силу показывать.

Что сказать тут можно дополнительно? Всегда род людской в движении. Это воспринимается с горечью. Причина того в необходимости иметь крепкие двери, недругов в дом не пускающие. Человек – не животное, в общепринятом смысле такого значения. Только животное стремится удалиться от места, им занимаемого. Устремляются куда-то киты, треска и лососи, бродят тигры, медведи и волки, в поисках водопоя существуют слоны, буйволы и жирафы, постоянно мигрируют птицы. Нет в том горести, какая мнится человеку в его передвижениях. Остепенился он и не желает двигаться, да мало места на земле, где жить всякому хочется. И думал о том Бояшов, путь для Мури определивший, увидев в кошках человеческие устремления. Не желают домашние кошки отправляться в странствия, пока их не заставят так поступить.

Мыслят ли животные? Может от неразумности они отправляются в странствия? Зачем птицам миграции, когда живи и плодись? Зачем рыбам отправляться к местам, где они сами родились, умирая во имя рождения потомства? Об этом думает Бояшов, забывая о Мури, для себя разрешая проблему понимания происходящих на планете процессов. Будь разум у животных, вели бы себя подобно людям. Ведь есть умные представители, понимавшие человека и дававшие осмысленные ответы имеющимися у них средствами.

Всё прочее, что текстом книги зовётся, Бояшов использует не по назначению. Показывает он араба, на самолёте летающего, мировые рекорды устанавливать желающего и над Техасом купол парашюта раскрывающего. И он куда-то стремится, не желая никому зла. Может из природных побуждений к странствиям, желая обрести нечто ему неведомое, толкающее к покорению новых горизонтов, всегда манящих своей недоступностью.

Но вот к Мури внимание. Кот сей пойдёт из Боснии, оставшийся без хозяев и без всего ему милого прежде. Встретится с существами разными, размышляя о миграции и о разуме, животным свойственном. Встретятся ему люди, его понимающие, страдающие чем-то схожим. Ибо кошачье племя Бояшов вольно сравнивает с мытарствами племени иудейского, давно привыкшего не держать излишних накоплений, поскольку знают, что серебро сегодняшнего дня не станет золотом дня завтрашнего, а истлеет, не принеся никакой пользы. Так и дом разрушится, смешав в крошево все прежде бывшие стремления. Главное для человека – способность к движению. Нужно быть готовым отправиться в путь, так как это заложено в человека природой, его для того и породившей.

А кот Мури пойдёт туда, где будут люди. Каким бы независимым он себя не считал – зависимость его от людей очевидна.

2008 Захар Прилепин «Грех» (2007)

В 2011 году дополнительно юбилейная премия Супер-Нацбест

Образ сильного человека с ранимой душой создан – читателю представлен человек по имени Захар, желающий видеть вокруг себя справедливость. Такой ли он на самом деле – Прилепин? Соответствует ли он взятому на себя образу? Возражать не будем – просто согласимся. Поверим и в то, что роман в рассказах «Грех» вместил особо важные для автора моменты жизни.

Особенность изложения – повествование без цели. Захар брал определённую ситуацию и начинал о ней рассказывать. Никогда не узнаешь, о чём Прилепин сообщит на следующих страницах, как и к чему в итоге подведёт. А он, собственно, и не имел желания лучше раскрыть предлагаемый текст. Захар именно создавал требуемое ему представление о нём самом. И ведь действительно – на читателя смотрит сильный человек с ранимой душой.

Человеческие качества становятся ясными с самого начала. Автор очень любит щенков, думая о них постоянно и не представляя существования без них. Но вот они пропали. Теперь рассказчик оказался готов на всё, вплоть до убийства, доведись ему найти похитителя. Может это бомжи? Но у них нет собак. Получается, щенят съели! Тут бы породить бурю, уничтожая всех попадающихся на пути мнимых пожирателей собак. Но Захар умеет сдерживаться. Он ведь сильный человек, высаживающий двери, но ранимая душа не позволяет причинять напрасный вред, пока истина не будет установлена. Что же оказалось с щенками? Ничего страшного с ними не произошло. А может они и не пропадали, автор всего лишь представил ситуацию, как и тех бомжей, отчего-то имеющих постоянное место жительства.

Таков Прилепин, если верить тексту романа в рассказах. Он ещё лучше созданного им же образа. Стоит ознакомиться с другими рассказами, как на читателя смотрит ещё и бес с глазами ангела. Юный чертёнок тянется к запретному, проявляя волю и отказываясь. Ему не довелось видеть, как режут свинью, но он осязал нож с тёплой кровью, погружал руки в растерзанную плоть, приходя к мыслям, запрещающим ему любое грехопадение. С тем же убеждением он подойдёт к девочкам, взявшихся его соблазнять. Он способен на многое, стоит протянуть руку. Но! Образец идеала манит женщин. Имея возможность удовлетворить желание, он всё же проявляет волю и отказывается. Сильный человек должен иметь твёрдые убеждения.

Как же так получается, что ранимая душа Прилепина имела отношение к кабакам? Пусть и в качестве временного места пребывания, так как он работал вышибалой. Как вообще такой человек способен заниматься подобным трудом? Он, создавший представление ангела, всё-таки остаётся бесом, нуждающимся в определённой среде, на которую будет взирать с презрением. Иначе не могло быть, учитывая стремление отстаивать справедливость. Только среди греха получится проявить стремление к разрушению порока. Так читатель лучше поймёт сильного человека с ранимой душой, способного наставить на путь истинный других, применив неизбежное в таких случаях физическое воздействие. Это нисколько не очернит крыльев за его спиной. Наоборот, парить над обстоятельствами – вот предназначение сохраняющего светлый облик среди продолжающих погрязать во грехе.

А ещё Прилепин воевал, отстаивая справедливость с оружием в руках. Ещё он трудился гробокопателем, теми же руками отправляя в лучший путь умершие тела. К тому же, вот где образ сильного человека с ранимой душой находит окончательное подтверждение, он пишет стихи. Таков Захар – от самого начала и до где-то там впереди всех нас ожидающего конца. Таким он предстал на страницах «Греха», нисколько не грешный сам.

2009 Андрей Геласимов «Степные боги» (2008)

Особенности национальной охоты возвращаются: пьяный русский народ, в своём слитом с природой состоянии, внимает мудрости восточного человека. Химера! Такое возможно. Особенно на пике увлечённости японской культурой: кругом японская анимация и японские общепиты. Почему бы не оттолкнуться от этого, взяв за основу историю рода одного японца, органически переплетя её с реалиями глухой сибирской деревни времён Второй Мировой войны? Геласимов так и поступает, делая деревню сборником стереотипов. Но! Коли Геласимов писатель, а перефразируя на японский манер – писака; да не простой писатель, поскольку его стиль тяготеет к обильному использованию в тексте обширной энциклопедической информации, перемешанной с сумбурным изложением, то само собой сознание автора разливается безудержным потоком, не разбирающим важности тех или иных отклонений от сюжета, что заставляет воображение читателя изрядно напрягаться, если отсутствует желание потерять нить повествования.

Стереотипы – это не всегда хорошо. Русская деревня не обязательно должна быть наполнена вечно пьяными жителями, ведущими лёгкий образ жизни, буквально гуляющими в любом удобном для них месте. Разгуляевка – реально существующая деревня в Красноярском крае, совсем рядом с Ачинском, чуть поодаль от Красноярска, примерно располагаясь на равном удалении от Оби и Ангары. Геласимов не мог этого не знать, если, конечно, он не использовал именно эту деревню, описывая происходившие на её территории события. Для него важнее был антураж, хотя читатель никогда не заподозрит тяжёлое для местного населения время. Война гремит слишком далеко, чтобы о ней реально вспоминать. Об этом задумывается только мальчик, вокруг которого изначально развивается повествование, да японец, что основывается уже не на бурной фантазии, а на личных переживаниях.

Русская деревня – не только пьяные жители, но и мат-перемат в любое время. Геласимов активно прибегает к ненормативной лексике, превращая повествование в постоянное сквернословие, нисколько не заботясь о глазах читателя. Именно такая культура в деревнях, ничего с этим не поделаешь. Ведь тем советская деревня от российской и отличается, что наполнена тунеядцами. А может и не отличается, имея стопроцентное сходство. Может для Геласимова такое положение дел – личные детские воспоминания. Ясно одно – для подвижных ребят брань и суровые выпады взрослых не являются действительно важными. Со страниц мат не вытравишь, каким бы он не являлся средством выражения. Будем считать, что Геласимов общался с современниками тех лет, и те от него ничего не скрывали, а действительность не приукрашивали.

«Степные боги» не зря отнесены к потоку сознания. Разбей Геласимов повествование на несколько отдельных повестей, тогда текст мог смотреться самобытно, но под единой обложкой всё выглядит просто дико. Будни мальчика прерываются дневниковыми записями японца, желающим сохранить сведения о своей семье. Именно дневник ломает восприятие книги, становясь инородной частью. Геласимов зачем-то рассказывает читателю о быте японцев, их традициях и истории, будто кто-то другой взялся помочь автору, настолько стиль становится лаконичным и последовательным, отходя от бранной речи к высокому слогу. Напиши Геласимов так всю книгу – ему бы не было цены. Однако, такого не случилось. Геласимов писал по воле вдохновения, не возвращаясь назад. Как после такого подхода относиться к расхлябанным русским, проигрывающим перед образами морально идеальных японцев?

Геласимов-писатель становится Геласимовым-писакой каждый раз, стоит ему вернуться в реалии русской деревни. Казалось бы, писака – слово оскорбительное, но в случае Геласимова оно приобретает собственное значение, исконно русское. Откуда столько сбивчивости при возвращении на родную землю? Творческие метания или неопределённость тому могут

быть виной. Не получается у Геласимова выстроить ровное повествование, когда дело касается жителей Разгуляевки. Совершенства не существует. Однако, дневник японца говорит об обратном. Вот и возникают перед читателем образы охотников, идущих по стопам за сэнсэем, засевшим в голове одного из них.

Малую форму Геласимов не смог в должном объёме снабдить логической выдержкой. Будто сошлись в Сибири в вечной борьбе казаки и японцы за право обладать читинским золотом. Порубленный на куски сумбур, пошлый антураж и похабные частушки.

2010 Эдуард Кочергин «Крещённые крестами» (2009)

Время советское – бремя тяжёлое. С какой стороны к нему не подходи, найдёшь положительные и отрицательные черты. Всё зависит от мировосприятия. Эдуарду Кочергину мир не виделся в светлых оттенках. Он – отобранный у родителей, помещённый в детприёмник, не знающий ни слова по-русски – оказался презираем и тянулся обратно к маме, сталкиваясь с необходимостью выживать. Был он тогда юным, на дворе стоял 1939 год, Европа погружалась в хаос Второй Мировой войны. Впереди страшные годы упадка. Никакого подъёма в мыслях, сугубо мрачное небо над головой и множество обозлённых людей. Такого могло и не быть, но автор описывает самого себя, прошедшего через испытания, дабы наконец-то ощутить тепло взгляда потерянной некогда матери. Он совершенно забудет польский язык, взращенных при таких обстоятельствах, в которых ему пришлось научиться многому, законопослушному гражданину совершенно бесполезному.

Читатель скажет: Кочергин нагнетает обстановку. Откуда такой пессимизм? А ведь совсем недалеко отстоит 1937 год, ознаменованный расстрельными полигонами. Ратовавших за социализм, борцов первой и последующих волн бросали в застенки и убивали, дабы они не мешали процветанию диктаторского режима. В подобной обстановке не могло существовать народного подъёма, если только не шли на передовую кроты, вышедшие из темноты и пошедшие отстаивать право сей темноты на существование. Но люди жили и боролись, сохраняя прежде страну, какое бы будущее ей не грозило. Это было лучше, нежели оказаться растоптанным немецким сапогом. Причём сапогом такого же социалистически настроенного народа, только с приставкой «национал-” вместо суффикса “-демократ». Они были движимы диктаторским режимом другого порядка, такие же озлобленные на капиталистический мир, поставивший их на положение пребывающих у ведра с человеческими испражнениями.

До всего этого юному Эдуарду не было дела. Ему полагалось выживать. С весны до осени он бродил на свободе. Зимой залегал в детприёмник очередного города на пути. Он вёл собственную борьбу, ведшую не к воплощению идеалов и не к защите чуждых ему интересов, а к теплу материнского взгляда. Жизнь ничего не стоила, если он не преодолеет отделяющего от цели пространства. Ведь мальчик обязан претерпевать неприятности, пускай и действуя не так, как от него ожидают. Обязанностей ни перед кем он не чувствовал. Да и как почувствуешь, если взрослые люди проявляли к нему интерес с единственным желанием, явно интересуясь не способностями мальца. Их манила пятая по счёту точка его организма. Вновь и вновь заставлявшая Эдурда опережать события и бежать дальше, бросая всех, с кем он подвязался дружить. Требовалось иметь голову на плечах, а не доверие к протягивающим руку помощи, затаившим мысли до ближайшего тёмного угла.

И опять читатель скажет: не прав и тот, кто говорит в поддержку слов Кочергина. Что же, чем таким людям не указать на Юрия Бондарева? Да, сперва батальоны просили огня, потом раздавались последние залпы, начиналась жизнь юных командиров, резко обрываясь советской поствоенной действительностью, раскрытой в том числе и в романе «Тишина». Схожее мрачное небо на головой, дополняемое вязким ощущением привкуса парши во рту от слизанного кожного гноя. За стремлением видеть образцовых советских граждан, видишь усталых и замученных людей, влачащих существование из-за необходимости дожить положенный срок до конца.

Рассказанное автором на эмоциях передаётся читателю, обязательно должного ответить ему взаимностью. Не так важно, каким всё было на самом деле тогда, как сильно былое оказалось приукрашено. Это личная история Эдуарда Кочергина. Он рассказал, как ему показалось важнее.

2011 Дмитрий Быков «Остромов, или Ученик чародея» (2010)

Русская сказка про кашу из топора вдохновила Дмитрия Быкова на создание ещё одного литературного произведения. Секрет сего блюда прост – автор использовал своё перо, дополняя остальное за счёт чужих ингредиентов. Как же установить, что именно было заимствовано для текста о советских масонах, а что стало измышлениями самого Быкова? Потребуется проводить исследование. Может кому-нибудь будет совершенно нечем заняться, поэтому он оным озадачится. Остальной же читатель увидит ряд знакомых ему историй, пересказанных на новый лад, чего ему вполне окажется достаточно для вывода о компилятивном наполнении произведения.

Слова связываются в предложения сами по себе. Может показаться, будто Быков применил технику вербального продвижения по лабиринтам подсознания. Проговаривая детали, он создавал определённый фон, возвращаясь назад и отыскивая в прежде сказанном необходимое для развития предлагаемой читателю истории. Так на первых страницах «Остромова» неспешно разворачивается представление дома, вплоть до предыстории, чтобы следом показать его наполнение, характеризующее всё должное произойти после. Тем Быков убедился в необходимости продолжать повествование, наполняя содержание нотами отражения реальности в мистических тонах.

Всему нужна легенда, в том числе и советским масонам. Пусть за основу будет взят изначально представленный дом. Произошедшие события должны взбудоражить читателя, видящего жестокое отношение к женскому труду, а также женщин, шагающих в окно на третьем этаже и уходящих в небо. Вроде бы ничего примечательного, поскольку всё сказываемое Быковым стирается из памяти им же представленных событий. Страница переворачивается, и Дмитрий говорит, что прежнее имеет значение, только никто о нём не знает.

В том же духе, возводя здание произведения из кирпичей с текстом, Дмитрий подводил читателя к осознанию ясной каждому истины: мы не знаем, кто создал нашу жизнь, кто её наполнил и куда делось всё, прежде существовавшее. Согласно этому получается, что «Остромов» не даст в итоге понимание происходящего на его страницах. Излишне много информации без смысла, на которой Быков создавал происходящие в произведении события. Ей бы найти применение в действительности, вместо чего спешно разворачивалось псевдогофманское полотно, только без сказочного элемента.

Понятно, мистика полна загадок. Человек склонен верить в её существование, ибо привык осознавать за непонятными ему матерями право на жизнь. Но всему требуется обоснование, хотя бы понимаемого логикой толка. И видеть, как Быков извращает обыденность, периодически размышляя о калоедах и льющемся мужском семени, противно. Ежели взялся раскрыть определённую тему, то зачем стал потворствовать реализму в извращённом его понимании?

Каша из топора продолжает вариться на протяжении тридцати часов. Ранее читатель с нею не управится. Это трудоёмкий процесс – варить такую кашу. Нужно убедительно доказывать необходимость использования определённых ингредиентов, которые нужно заранее отыскать. У Быкова вполне могли быть поставщики информации, с любезностью предлагавшие её при поступлении от Дмитрия соответствующего запроса. Пока варево дополнялось, он продолжал помешивать содержимое топором. И когда каша была приготовлена, основной ингредиент оказался извлечён, и всё, с его помощью приготовленное, лишилось самого главного элемента.

Теперь читателю предстоит знакомиться с получившимся блюдом. Не зная о секрете его приготовления, он будет нахваливать или плеваться, в зависимости от умения распознавать в ему предлагаемом продукте его истинное происхождение. Теперь, когда сказано важное,

нужно решить, насколько соответствует «Остромов» в него вложенному. Если каждому ингредиенту приписать источник, то произведение истинно станет восприниматься кашей. А пока таковое мнение никем не поддерживается, до той поры следует всё выше сказанное считать частным мнением.

2012 Александр Терехов «Немцы» (2012)

Что мыслить о современности, не умея её правильно интерпретировать? Постоянно всё плохо. Куда не посмотри – всюду творится непотребное. Происходит такое и в политике. Получается, политики – такие же люди, решения которых практически ничего не значат. Такова Россия в своём естестве – её население привыкло зависеть от обстоятельств. Требуется некто определённый, способный проявлять заботу или угнетать. И люди это чувствуют, в решительный момент формируя волну и сметая преграды, стоит ситуации принять подобие критического состояния. Не бывало ещё такого, чтобы русские не самоорганизовались и не избрали продолжение прежде намеченного пути. Другое дело, что из общего потока наверх выскакивают случайные личности, никем не запланированные для передачи им власти. В хаосе мироздания России удаётся удерживать одной ей свойственный порядок. И как не старайся размышлять, восхваляя или укоряя, изменить ничего не сможешь – нельзя одержать победу там, где победа в крови, как нельзя проиграть тем, кто предпочитает существовать вдали от глобальных потрясений.

Терехов снова взялся повергать основы бытия. Некогда он уже измыслил собственное понимание истории, проведя расследование, используя мнимые обстоятельства. Теперь под его пером ожил политический бомонд – номенклатура наших дней. Сплошь посторонние для страны лица, заботящиеся о чём угодно, кроме нужд избравших их граждан. Им вверили власть для заботы о благополучии государства, они же растрачивают свои возможности на ветер. К чему не прикоснись их рука – всё обращается в пыль. И парадокс как раз в том, что созидать пытаются из той же пыли снова, неизбежно сталкиваясь с прежним результатом. Но не в том беда, как может подуматься россиянам. Как не пытайся, во власть будут приходить посторонние лица, поскольку в России всегда было так, и никогда этому не наступит конец.

Вот и Терехов рисует обыденность без красок, либо красит сверх меры. Он видит ситуацию так, будто всё ему хорошо известно, словно не личное мнение выражает, а видит наперёд, не предполагая иных вариантов. Для него Россия гниёт с головы, неизбежно поражая все слои, располагающиеся ниже. В той голове нет посторонних элементов, там всему определена закономерность. Бывает, приходят в политику случайные люди, становясь костью в горле, отнюдь не рыбной. Иначе Терехов ситуацию не трактует. Он определил во власть определённых людей, создавая представление о малой возможности добиться высокого положения человеку извне. Потому и продолжает гнить Россия, лишённая твёрдой руки хозяйственных людей. Никто не желает заниматься улучшением происходящих в стране процессов, сугубо отсиживая положенные часы и уходя в отрыв, стоит найти время для отдыха в свободной от рабочих дней обстановке.

Но жизнь не терпит пристрастного отношения. Какое положение в обществе не занимай, продолжишь оставаться обыкновенным человеком. Жена может потребовать развод, дети отвернуться или пожелать нечто, превышающее все возможные в их возрасте потребности. Терехов и это понимает. Описывая политическую составляющую текущего дня, он не забывает о необходимости отражать на страницах повседневность тех, кому по статусу не полагается испытывать проблемы.

Право Терехова считать свою правду правдой. Он видит так, как желает видеть. Переубеждать не имеет смысла. Ведь правда подобна истине – для каждого из нас она своя собственная. Желает человек иметь негативное мнение о власть имущих – его в том не переубедишь. А если человек считает, что в этом мире всё пребывает в извечно данном состоянии, что ничего никогда изменить не получится, то и его в том не переубедишь.

2013 Фигль-Мигль «Волки и медведи» (2012)

Фантазии безудержно изливающийся поток, не знающий преград и ограничений, распространяющийся, поглощающий и не ведающий о необходимости придерживаться берегов. Размытое русло осталось без воды. Нет нужды в понимании сказываемого, когда того не требуется. Необходимо просто внимать, не придавая значения происходящему. И нет важности находить дополнительные слова, поскольку лучше следовать заданному автором направлению. Именно сейчас, не оставляя на потом, будет выражено мнение, такой же ценности, как написанное Фиглем-Миглем произведение.

В будущем возможно всякое. И всякое возможно в настоящем. И настоящее может иметь место в прошлом. И прошлое даёт представление о должном повториться. Разве не поднимает голову Новгород, не станет перечить он власти Москвы? А чем хуже Алтай, некогда житница России, один из основных поставщиков серебра и золота? Дадут недра Барнаула ещё ресурсов дивных, на уровне духовном только доступных. Не вечно влачить жалкое существование краю сибирскому, выше гор алтайских на карте географической, севернее Горной Шории, богатый чернозёмом и зерновых культур урожаем. Всё забыто и оставлено, покуда зреют иные самородки, пока всерьёз не воспринимаемые.

Не всё о Питере сказывать, не граду сему пророчить возвращение великолепия. Не видеть в его жителях паранормальных способностей и не над их судьбами задумываться. Позвольте разыграться мечтаниям, описывая всё, что приходит в голову. Так родится подобие, на премию «Национальный бестселлер» претендующее. Случится на небе затмение, почернеют облака и выгорит Луна, астероидом в сердце поражённая, ежели сию награду литературную получит произведение, звания национального бестселлера достойное. А пока приходится внимать имеющемуся. Сложись таким образом обстоятельства, за скороспелостью в поиске фаворита сезона нового истинных звёзд заметить не получается.

Нет и не будет тут слов о Фигля-Мигля творении. На одном дыхании оно прочитано, следом лёгкими обратно исторгнутое. Не успел мозг обогатиться порцией кислорода, обратно едва ли не сразу отхлынувшего. Прошло лишь через сердце, не оставив по себе воспоминаний. Потому сказать получается – ни уму ни сердцу. Одна печень возрадовалась, пропустив и очистив, не дав организму потерять равновесие. В селезёнке осталось немножечко. Зато усилилось желчи отделение, разъедая пищеварительный тракт излишней горечью. Возникло ощущение неприятное, вроде жжения, на всю ширину груди разлившееся.

Всё проходит. Всему быть успокоенным. Что должно быть сразу брошенным, тому не подняться после усилиями многократными. Придали сил, обозначив важность мнимую. И пошёл абсурд, якобы кем-то понимаемый. Сказали слова люди разные, отозвавшись выражениями общими. И нет других вариантов, кроме как рассказать бессмыслицу, ни на что не намекая и ни к чему не склоняя читателя. Просьба есть – простить и не искать сокрытого. Существуют определённыю правила, которых следует придерживаться. Потому и пишется заметка критическая, самостоятельного существования заслуживающая.

Читать или не читать «Волков и медведей»? Читать обязательно. Надо иметь мнение личное. Скрипеть зубами, до последней строчки дочитывая. И не говорить потом, будто понравилось. Ибо кто скажет такое, получит сомнения порцию. Кто же доверится человеку, оценившему нечто подобное? Но известно каждому – случаются деятели, к абсурду тяготеющие. Они поддержат, ибо сами в беллетристике способны на малое. Сошлись разом обстоятельства, позволившие Фиглю-Миглю торжествовать, лавры приняв победителя. Воспарил выше облаков белых сей автор, под небом голубым получив награду свою заслуженную. Может и лучше, чем Луны созерцать крушение, грозящее и Земле гибелью. Пусть получают «Национального бест-

селлера» произведения странные, воспримем это залогом спокойного существования всего человечества.

2014 Ксения Букша «Завод Свобода» (2012)

Через годы проходит история человечества, неизменно сталкивающегося с неприятностями. В Российской Империи могли казнить по воле прихоти, в Советском Союзе – по той же прихоти, казнили и в России последующих лет, порою опять же по прихоти. А люди продолжали жить, поскольку им ничего другого не оставалось. Но вот взят конкретный пример – иллюзорный завод «Свобода». Основанный в сталинское время, он продолжает существовать и в наши дни. Всегда в числе его работников были светлые головы, находившие возможность реализовываться при любых обстоятельствах. Вот о существовании в сложных условиях Ксения Букша и взялась рассказать, поведав от лица множества лиц их непростые истории.

Тяжело ли женщинам работать на производстве? Тяжело, зато почётно. Советским гражданам важнее как раз уважение соотечественников. Не может быть такого понятия – женщина, когда стране нужны рабочие руки. Тяжело ли человеку творческой специальности встать у станка, либо заняться распределением трудовых потоков? Опять же, обществу необходимо именно повышение рабочего потенциала. В такой круговерти ломаются предпочтения – всё смешивается до невозможности отличить одно от другого. Да, некогда интерес государства ставился выше собственного. То было сложным периодом для советских граждан, однако они не унывали, обеспечивая страну всем требуемым для её существования.

Сложнее стало позже. Советский Союз оказался не тот. Человек задумался о собственной личности, отказываясь от служения общему делу. Тогда-то и посыпалась обыденность, отказывая людям в реализации возникающих у них устремлений. Если раньше хватало факта труда, то теперь рабочий желал дать стране нечто новое, исходящее от его индивидуальности. Стремление созидать общее благо осталось, но за счёт отдельно взятых граждан. Нельзя было продолжать прозябать в коллективном стремлении к благу, самому по себе ничему не способствующему. Это приведёт к следующей стадии развития – упадку.

На развалинах советского государства предстояло строить новое. Рабочие завода «Свобода» будут вынуждены заниматься сомнительным трудом. Вместо выполнения оборонных заказов они будут выпускать стиральные машины. И вместо худо-бедно обеспеченного существования столкнутся с условиями рыночной экономики, вынужденные платить за предоставляемые уже им услуги, вроде поставки воды и электричества. Если в стране несколько предприятий начинают душить третье, то какой в этом толк? В Советском Союзе о таком и помыслить не могли, поскольку делали общее дело. Просто теперь каждый оказался сам за себя. Так из изначального стремления к всеобщему благу получилось желания усилить собственную обособленность.

Светлые головы у Ксении продолжали приходить на завод «Свобода». Никто из них не задумывался, что надо сперва наполнить желудок, а потом уже выполнять поручаемые им задания. Но годы шли, оказывалось, чаяния предыдущих поколений работников заключались в тех же устремлениях, только обстановка складывалась вокруг них более радужная. Пусть грозило суровое наказание за невыполненную норму, но тебе всегда могли найти достойное твоего труда место. Потом стало безразлично, лишь бы хотя бы кто трудился. В России же всё оказалось совсем печально – сам завод стал невостребованным. Ксения не развила мысль до конца, но читатель догадался, что на месте завода появился торговый центр, скорее всего сохранивший прежнее название – «Свобода».

Судьбы прошли перед глазами. Они отразили желания и надежды каждого представленного вниманию действующего лица. Не в том беда, что больше человек не является ценностью для государства, а в том, что человек полностью обесценился – не ценимый даже в том случае, когда он способен хотя бы в чём-то оказаться полезен. Проще выжать соки и выбросить.

2015 Сергей Носов «Фигурные скобки» (2015)

Скобки открыты.

Давайте сделаем допущение – невероятное вероятно. Исходя из данного постулата можно построить сюжет любой сложности. Сергей Носов решил задуматься о наличии магических способностей у людей. Но способностей не трансформирующих реальность и возникающих вследствие неизученных человечеством физических закономерностей, а вследствие особенностей работы человеческого мозга. Например, главный герой «Фигурных скобок» умеет определять, какое двузначное число загадал его собеседник. Подобный навык ничем ему в жизни толком никогда не пригодится, кроме возможности продемонстрировать собственную незаурядность. Именно на таких уникумах строится повествование.

Разумеется, исходя из умения главного героя, Носов, с полным осознанием абсурда описываемых ситуаций, с юмором подходит к каждому эпизоду. Уже само действие, разворачивающееся на фоне создания гильдии магов, выглядит весьма забавно. Надо же, в одном месте собрались умельцы со всей страны, чтобы обсудить возникшую идею объединения, выбрать кандидатов, подсчитать голоса и после этого определиться с руководством. Почему бы и нет, людям с такими способностями тоже нужен свой профсоюз, чаяниями которого они смогут громко заявлять о своих правах.

Носов находит для повествования забавные нелепые ситуации, чаще исходя из игры словами, да опираясь на прочие несуразности. Он упорно объясняет читателю, почему труп считается неодушевлённым, из-за чего его оживить нельзя, а мертвец и покойник – одушевлёнными: их оживить можно. И вот над аналогичными проблемами действующих лиц становится преобладающей осознание невероятного факта – информация, заключённая в фигурные скобки, может оказаться скрытой от чужих глаз. Даже не информация – порой муха, залетевшая в холодильник, исчезает без следа. Какое после такого может быть обсуждение КПД волшебства?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.